РОНИКА ДЭСТ
ЛАДАН
И ПЕПЕЛ
18+

Роника Дэст
Ладан и пепел

https://litres.ru/74670623
SelfPub; 2026

Аннотация

Осенью 2000 года реставратор Ноэми приезжает в глухую румынскую деревню, где когда-то работал её покойный отец. Ей предстоит восстановить обгоревший образ архангела Михаила. Только жители почему-то помнят его по-разному.

Священник Касиан надеется вернуть святыню приходу. Но рядом с Ноэми ему всё труднее оставаться только пастырем, а ей — скрывать, как сильно хочется его прикосновений.

Ноэми расчищает губы ангела — и слышит его голос во сне. Открывает глаза — и встречает его взгляд в темноте.

Под именем Михаила скрывается падший. Он знает о её влечении к Касиану и приходит по ночам, когда Ноэми уже не уверена, чьи руки её касаются.

Содержание

Краткий словарь Фрэсинета	4
Глава 1	6
Глава 2	42
Глава 3	63
Глава 4	86
VISIO I	104
Глава 5	108
VISIO II	116
Глава 6	119
VISIO III	132
Глава 7	141
Глава 8	144
Глава 9	147
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Роника Дэст
Ладан и пепел

Краткий словарь Фрэсинета

Знание этих слов не обязательно для чтения, но поможет лучше представить пространство романа.

Костёл — римско-католический храм.

Плебания — дом приходского священника, обычно расположенный рядом с костёлом.

Ризница — помещение при алтарной части, где хранят облачения и богослужебные предметы. В романе бывшая ризница становится мастерской Ноэми.

Пресвитерий — пространство вокруг главного алтаря, предназначенное для духовенства и служителей.

Неф — основная часть храма, где во время богослужения находятся прихожане.

Колоратка — белая вставка в воротнике католического священника.

Орнат — верхнее облачение, которое священник надевает во время мессы. Его цвет меняется в зависимости от дня церковного календаря.

Реквием — заупокойная месса.

Фато *(рум. fato)* — «девушка», «дитя»; фамильярное,

иногда ласковое обращение пожилой женщины к молодой.

Доамнэ *(рум. doamnă)* — «госпожа»; уважительное обращение к взрослой женщине.

Глава 1

8 октября 2000.

Над головой дрожал жёлтый свет. На мокрых камнях то появлялись, то исчезали блики. Пахло мхом, сырой землёй и гарью.

Я отступила. Затылок ударился о стену, зубы болезненно щёлкнули.

Руки продолжали тянуться ко мне.

В тусклом свете различались чёрные пальцы, с длинными ногтями. Я попыталась отвернуться, но длинный ноготь упёрся в щёку. Его кончик был неровным, будто обломанным.

— Пожалуйста…

Я дёрнулась. Он впился глубже, потянул кожу, и я замерла. Рука пахла чем-то горелым. От этого запаха запершило в горле.

Я зажмурилась.

Это сон. Сейчас я проснусь.

Ноготь медленно двинулся вверх. Я вжалась спиной в стену, хотя дальше отступать было некуда. Холодный камень давил между лопаток.

— Это сон… Это сон.

Ноготь остановился у скулы.

Я втянула воздух сквозь зубы. По щеке потекла горячая

кровь.

— Впусти.

Голос прозвучал над головой. Последнее слово повторилось справа, а потом слева, но уже тише.

— Пожалуйста, убери руку.

По лицу скользнул холодный воздух. Всё ещё прижимаясь к камню, я ждала, боясь пошевелиться.

Щёку саднило. Горячая кровь медленно стекала к ключице.

— Раз, два, три.

Я открыла глаза.

Передо мной никого не было. Я коснулась щеки. На пальцах осталась кровь.

— Какого чёрта…

Вытерла руку о джинсы. На ткани появились тёмные полосы. Я смотрела на них, пока с подбородка не скатилась ещё одна капля.

Надо проснуться.

За спиной холодила мокрая каменная стена, впереди была только темнота. Я вытянула руку и почти сразу упёрлась во что-то твёрдое. Провела ладонью в сторону — преграда продолжалась. Справа оказалось то же самое.

Меня заперли между стеной и чем-то, чего я не могла увидеть.

Я прижалась ухом к сырому камню. От шва пахло мокрой землёй. Несколько секунд слышался только собствен-

ный пульс, затем по ту сторону стены кто-то заговорил шёпотом.

— Что?

Я придвинулась ближе.

Голосов было несколько. Один говорил быстро, почти у самого уха; другой тянул слова где-то в глубине. Стоило различить начало одной фразы, как поверх неё уже звучала следующая. Я задержала дыхание, пытаясь разобрать хотя бы слово.

— Я не понимаю.

Шёпот продолжался.

— Говорите по одному.

Все голоса оборвались одновременно.

Я отдёрнулась от стены.

У самого уха кто-то вдохнул.

Сердце пропустило удар. Кто-то стоял позади — так близко, что его дыхание касалось моей шеи. Я хотела обернуться, но губы коснулись уха раньше, чем успела пошевелиться.

— Deiecit Dominus angelos peccantes.[1]

Мужской голос. Низкий, спокойный. Я слышала, как он выговаривает каждое слово.

Что-то острое резко вошло под рёбра.

Горло обожгло. На языке появился металлический привкус. Я попыталась сглотнуть — и согнулась от боли.

Под ладонями майка была мокрой. Кровь просачивалась

[1] «Господь низверг согрешивших ангелов»

между пальцами.

Рядом что-то металлическое ударилось с громким звуком о каменный пол.

Посмотреть вниз я не смогла. Прижимала руки к животу и пыталась вдохнуть, но воздух застревал в горле. Каждый короткий вдох отзывался новой вспышкой боли.

— Помо…

Кровь наполнила рот. Я закашлялась, ноги подкосились. Колени ударились о камень.

Продолжая зажимать рану одной рукой, второй я потянулась к стене. Пальцы нащупали мокрый шов и вцепились в него, пытаясь удержаться.

Ладонь соскользнула с камня.

Я упала.

***

Яркий свет ударил в глаза, и я зажмурилась. Машина повернула, солнце снова скрылось за деревьями. В горле пересохло, шея ужасно затекла.

— Проснулись? — спросил водитель по-английски, с заметным акцентом.

Я выпрямилась, потёрла шею. Мысли понемногу приходили в порядок. Это был сон. Ещё один дурацкий сон.

— Долго я спала?

— Часа три, наверное. Как въехали в Буковину, вы почти сразу уснули.

Я размяла затёкшую спину и выглянула в окно. Дорога

шла вдоль склона, то прижимаясь к лесу, то открывая вид на долину. Внизу стоял туман; из него выступали верхушки елей. Ближе к машине между хвойными деревьями ещё желтела листва. На обочине лежали мокрые листья, местами сбитые колёсами в тёмные комья.

Я приоткрыла окно. Холодный воздух коснулся лица; пахло хвоей и сырой землёй. Я вдохнула поглубже. После кошмара хотелось ещё немного посидеть так, даже если придётся мёрзнуть.

— Вы можете говорить со мной по-румынски, — сказала я с лёгкой улыбкой. Хотя мне нравился его акцент.

— Ну, слава богу! — Он потёр густые седые усы. В зеркале я увидела его широкое лицо и морщинки возле глаз, когда он улыбнулся.

Я откинулась на спинку сиденья. Пальцы непроизвольно коснулись живота. Это просто кошмар. Дорога была долгой, я вымоталась.

— У вас хороший румынский.

— Спасибо.

— Эмигрировали с семьей?

Я кивнула и отвернулась к окну. Говорить о родителях не хотелось. Я уже знала, что обычно спрашивают дальше: когда мы уехали и как нам это удалось.

За поворотом лес подступил вплотную к дороге. Теперь за деревьями почти ничего нельзя было разглядеть: туман доходил до самой обочины.

Водитель снова встретился со мной взглядом в зеркале. Я спросила раньше, чем он успел заговорить:

— Через сколько мы приедем?

Он постучал пальцами по рулю.

— Думаю, ещё около часа.

Машина подпрыгнула на камне. Я придержала сумку, сползавшую с сиденья.

— Думаете, надолго затянется работа в костёле?

Я достала плеер и наушники. Даже о работе сейчас не хотелось говорить.

— Надеюсь, вы не против? — Я вежливо улыбнулась. — Мне надо дослушать записанную лекцию.

Я вставила пустую кассету в отсек, надела наушники и нажала кнопку.

Тишина. Отлично.

Спустя час машина свернула на просёлочную дорогу. На склонах показались крыши деревянных домов; нижнюю часть деревни ещё укрывал туман. Я сняла наушники.

— Первый раз во Фрэсинете? — спросил водитель, приоткрывая окно со своей стороны.

— Да.

Я подалась к окну, пытаясь разглядеть дома.

Мы въехали в деревню. Дома стояли далеко друг от друга, на разных уровнях склона. К одним от дороги вели короткие тропинки, к другим приходилось подниматься по ступеням, врытым в землю. За дворами начинался лес, а выше, на от-

крытых холмах, виднелись отдельные деревья и длинные полосы оград.

У ближайшего дома почернели нижние доски. На оконных рамах местами сохранилась белая краска, на крыльце стояло перевёрнутое ведро. Вдоль стены под навесом были сложены дрова. Мы проехали дальше, мимо низкого штакетника с покосившейся калиткой. За ним тянулся пустой огород; у забора ещё торчали колья.

На обочине скапливалась вода. Водитель сбавил скорость. Над трубами поднимался дым, и через открытые окна к нам потянуло запахом горящих дров. Людей на улице не было. Где-то перекликались птицы; их голоса то становились слышнее, то пропадали за шумом двигателя.

Машина свернула на дорогу, ведущую вверх, оставляя дома позади. Я выглянула из открытого окна, провожая взглядом улицу. Мужчина за рулём усмехнулся.

— Думаю, у вас ещё будет время прогуляться.

— Я думала, деревня будет больше.

— Тут человек четыреста живёт. — Он ненадолго задумался. — Старая деревня, кажется, её ещё в восемнадцатом веке основали. У некоторых семей до сих пор польский сохранился.

— Польский? — Я подвинулась чуть ближе к водителю.

— Да. Между собой дома говорят. А так все на румынском.

— Интересно.

За последним забором дорога вышла на поле. Высокая трава шуршала по днищу, колёса вязли в размокшей колее. Я посмотрела на грязь, тянувшуюся вдоль дороги. Кажется, гулять тут будет проблематично.

— До храма буквально минут пять, — сказал мужчина.

Впереди была глубокая лужа. Он сбавил скорость, но машину всё равно качнуло, когда переднее колесо попало в воду. Я схватилась за ручку над дверью.

За холмом показался шпиль с крестом на вершине. Сначала я видела только его: остальное закрывали деревья.

— Как красиво, — вырвалось у меня.

Костёл стоял выше деревни, на склоне, где ещё держался утренний туман. Когда машина поднялась по дороге, я опустила стекло до конца и наконец увидела здание целиком.

Светлый камень посерел от сырости. Под карнизами и вокруг окон темнели потёки. Справа возвышалась узкая колокольня с высокими стрельчатыми проёмами. На старой крыше местами зеленел мох.

Над входом было круглое окно с каменным узором, похожим на распустившийся цветок. Несколько голых ветвей закрывали его край. За стеклом ничего не просматривалось. Внизу, в глубине стрельчатой арки, виднелась тёмная деревянная дверь.

Я задержала взгляд на кладке. У входа камень был светлее, а швы заметно отличались от тех, что шли выше. Отсюда трудно было понять, когда их ремонтировали. Хотелось

выйти, подойти ближе, провести пальцами по поверхности.

Машина резко затормозила. Я успела упереться ладонью в спинку переднего сиденья.

— Ради Бога, простите! — Мужчина обернулся ко мне.

— Всё хорошо.

Хотелось скорее выйти. Ещё немного в этой машине — и меня точно вырвет.

Я подхватила сумку и открыла дверь. Под ногами хлюпнула земля. Пришлось постоять несколько секунд, прежде чем затёкшие ноги позволили отойти от машины. Я осторожно повернула голову. От шеи к плечу потянуло болью.

Воздух был холодный и влажный. При каждом выдохе перед лицом клубился пар. Мужчина обошёл машину и открыл багажник.

— Вы не знаете, отец Касиан сейчас здесь? — спросила я, оглядываясь.

Дверь костёла оставалась закрытой.

— Не знаю. Меня попросили проводить вас в плебанию.

Он достал мой чемодан и две сумки. Я посмотрела по сторонам, пытаясь понять, где искать дом священника. Мужчина заметил это и усмехнулся.

— Придётся немного прогуляться.

Я опустила взгляд на уже испачканные грязью ботинки.

— Ведите.

Сумки он уступил мне не сразу.

— Я сама, правда.

Он нехотя отдал их, выдвинул ручку чемодана, и мы двинулись за костёл.

Возле стен трава была коротко подстрижена. Вдоль дорожки тянулись небольшие клумбы с розовыми кустами. На почти голых ветках ещё держалось несколько белых роз; опавшие лепестки прилипли к влажной земле.

Мы свернули на узкую тропинку. Чуть дальше, за низкой оградой, виднелось небольшое кладбище. Я замедлила шаг, разглядывая кресты. Здесь было тихо, и после дороги эта тишина оказалась приятной. Даже тошнота понемногу отпускала.

— Тяжёлые у вас вещи, — сказал мужчина, приподнимая чемодан над выступавшим из земли камнем.

— Я пока не знаю, какой объём работы предстоит. Взяла с запасом.

Я перехватила ручки сумок, врезавшиеся в пальцы.

— Обязательно загляну в церковь, когда закончите реставрацию.

Он был так добр ко мне, а я за всю поездку даже не спросила его имени. Или забыла, что спросила. Хотя нет, я бы помнила.

— Спасибо…

— Дору, — подсказал он.

— Я…

Чёрт. Так заметно?

— Ничего, дорога была долгая. Вы устали.

Надо быть внимательнее к людям, Ноэми.

Я почувствовала, как потеплели щёки.

— Спасибо, Дору.

Я уже собиралась спросить, живёт ли он в деревне, когда впереди показался небольшой деревянный дом. Он стоял у самого леса, за низким забором — едва мне до пояса. На потемневших досках местами виднелась свежая краска. Багровый плющ обвивал боковую стену и добрался почти до крыши.

— Отец сказал, что дверь будет открыта.

Дору прошёл вперёд, толкнул дверь и скрылся в доме.

Позади треснула ветка. Я резко обернулась, прижав сумки к ногам.

Дорога была пустой. Отсюда уже не было видно ни машины, ни деревенских домов. Я ещё немного посмотрела в сторону деревьев, потом поднялась на крыльцо.

Внутри пахло топлёным молоком, деревом и чем-то ещё, чего я не могла определить. Я поставила сумки у порога и разогнула пальцы. На ладонях остались красные полосы от ручек.

Из тесной прихожей открывались несколько дверей. Через одну, приоткрытую, я увидела край кровати с аккуратно расправленным покрывалом. Очень хотелось снять ботинки и лечь хотя бы на пять минут.

— Сюда, — позвал Дору.

Половицы скрипнули под ногами. Он ждал в комнате с

большим обеденным столом из тёмного дуба. У стены стоял молитвенный столик; бархат на нижней подставке протёрся посередине. На подоконнике я заметила гипсовую статуэтку Девы Марии.

Дору поставил чемодан рядом со столом и взглянул на наручные часы.

— Мне пора. Иначе только к вечеру домой доберусь.

Он направился к выходу.

— Постойте.

Дору обернулся. Я замялась. Ещё минуту назад мне хотелось поскорее с ним попрощаться и отдохнуть, а теперь я не понимала, куда деть вещи и можно ли вообще здесь оставаться.

— Отец оставил вам письмо.

Он указал на конверт, лежавший на столе.

— Отдохните, примите ванну. Отец за вами придёт.

Я растерянно кивнула, ещё раз оглядев комнату.

Дору поспешил из дома. От лёгкого порыва ветра дверь за ним закрылась.

— Письмо, точно.

Я подошла к столу, проведя пальцами по неровной поверхности дерева. На белом конверте было написано: *«Ноэми»*.

Я узнала почерк Касиана.

Pax vobiscum,[2] дорогая Ноэми.

---

[2] «Мир с тобой»

Надеюсь, долгая дорога из Бухареста не слишком Вас утомила. Плебания в Вашем распоряжении на всё время реставрации. Очень хочется, чтобы Вам здесь было удобно и тепло.

В доме две спальни — выбирайте любую. В обеих приготовлены чистое бельё и тёплые одеяла. За столовой находится кухня. Газовая плита исправна, в холодильнике есть продукты на первое время. Пожалуйста, не оставайтесь голодной с дороги.

За кухней — ванная. Прошу простить её состояние: ремонт давно пора закончить, но горячая вода есть. По ночам иногда стучат трубы и шумит старый бойлер. Пусть это Вас не тревожит.

Я надеялся встретить Вас лично, но этим утром должен служить заупокойную мессу по одному из наших прихожан. Пока устраивайтесь и отдыхайте. Зайду за Вами после трёх часов дня, и мы вместе осмотрим образ в костёле.

До скорой встречи.

С молитвой о Вас,

отец Касиан.

Где-то за спиной щёлкнул механизм. Я обернулась, отыскав взглядом небольшие деревянные часы. Они висели над письменным столом, которого я раньше не заметила.

— Всего восемь утра.

Я вздохнула и опустила письмо на стол. До трёх ещё семь часов.

В коридоре было две двери в спальни. Комнаты оказались почти одинаковыми. В одной на прикроватном столике лежала кассета.

Я взяла футляр и провела пальцем по узкому корешку бумажного вкладыша.

«Robert Johnson. 1936–1937».

Интересный выбор. Чья она?

Я вернула кассету на место, сняла ботинки и села на кровать. Покрывало было аккуратно расправлено, от подушки пахло чистым бельём. Несколько секунд я сидела, упершись ладонями в матрас, потом легла и облегчённо выдохнула.

Я посмотрела на наручные часы. Прошло всего пять минут. После кошмара снова засыпать не хотелось. Да и проспать приход Касиана было бы неловко.

Я повернулась на один бок, потом на другой.

— Ладно, — сказала я, садясь на кровати. — Надо чем-то заняться.

Затащив сумки, рюкзак и чемодан в комнату, я занялась вещами. Одежды было немного: большую часть места занимали инструменты, книги и завёрнутые в несколько слоёв бутылочки.

В комнате стоял небольшой деревянный шкаф. Я разложила одежду по полкам, расправляя рукава и складывая каждый свитер отдельно. Книги расставила на нижней полке по алфавиту.

С инструментами пришлось повозиться дольше. Я снима-

ла упаковку, проверяла, не повредилось ли что-нибудь в дороге, и сверяла всё со списком в рабочем блокноте. Несколько раз возвращалась к уже разобранным вещам. Не хотелось обнаружить, что чего-то не хватает, когда начну работать.

Материалы оставила в отдельной сумке. Для первого осмотра собрала инструменты и записи, которые могли понадобиться.

На прикроватную тумбочку, рядом с кассетой, положила чёрный кожаный дневник.

Я рассчитывала остаться здесь на два-три месяца, хотя до осмотра образа трудно было что-то сказать наверняка. Всё это время придётся жить в этой комнате.

Когда я снова посмотрела на часы, было уже одиннадцать.

Касиан мог прийти раньше. Стоило привести себя в порядок и заодно посмотреть на ванную, за состояние которой он извинялся.

Я открыла дверь и остановилась на пороге. Пахло хвоей — так сильно, будто за дверью был лес.

Пол здесь тоже был деревянным, тёмным. В углу стояла небольшая раковина, над ней висели зеркало и узкая полочка. Посередине комнаты — длинная белая ванна на фигурных ножках. Над её краем изгибался металлический кран.

Местами белое покрытие потрескалось. Я наклонилась, рассматривая тонкие линии у бортика. Ванна была старая, но мне понравилась.

Небольшое окно закрывали занавески. Под потолком ви-

села голая лампочка.

Я открыла кран. Горячая вода зашумела по дну ванны, и зеркало постепенно затянулось паром. Рядом стояла маленькая табуретка с чистым полотенцем и мылом в бумажной упаковке.

Кто бы ни готовил дом к моему приезду, обо всём подумали.

Я сняла одежду и осторожно забралась в воду. Несколько секунд сидела неподвижно, привыкая к теплу, потом вытянула ноги. Затёкшую шею понемногу отпускало.

Набрав воздуха, я сползла ниже и погрузилась с головой.

Не знаю почему, но это всегда помогало расслабиться. Под водой я слышала собственный пульс. Можно было ненадолго перестать думать и просто лежать с закрытыми глазами.

Я вынырнула, вдохнула и убрала мокрые волосы с лица.

В доме по-прежнему было тихо. Никто не разговаривал за стеной, не хлопал дверью. Я откинулась назад, положив голову на край ванны.

В Провиденсе, где я выросла, мне редко удавалось побыть в такой тишине. В мастерской постоянно кто-нибудь заходил, задавал вопросы, обсуждал очередной заказ. Иногда хотелось закрыть дверь кабинета и выйти только тогда, когда все разойдутся.

Дома было не лучше. Окна квартиры выходили на дорогу. За стеной ругались соседи, где-то лаяла собака. Даже ве-

чером приходилось прибавлять громкость плеера, чтобы не слышать чужих голосов.

Я провела мокрыми пальцами по вискам. Сейчас они не болели. Можно было никуда не спешить хотя бы до трёх.

***

Переодевшись в чистую одежду, я промокнула длинные чёрные волосы полотенцем и села на край кровати. До прихода Касиана оставался ещё час. Взяла с тумбочки дневник, открыла последнюю заполненную страницу и записала время приёма витаминов и завтрак.

Два яйца и яблоко. Стакан тёплой воды.

Из-под страниц выглядывал край конверта. Письмо отца Касиана пришло четыре месяца назад. Я достала его и развернула.

Pax vobiscum,[3] дорогая Ноэми.

Меня зовут отец Касиан. Я служу в приходе Архангела Михаила во Фрэсинете, Румыния. Надеюсь, Вы сможете помочь мне связаться с Вашим отцом: к сожалению, мне не удалось найти его нынешний адрес.

До отъезда вашей семьи из Румынии Ваш отец занимался реставрацией алтарного образа в нашем костёле. Он проделал удивительно тонкую работу. Отец Стефан, служивший здесь в те годы, уже отошёл ко Господу. Среди его бумаг я не нашёл сведений о том, как связаться с Вашей семьёй.

В поисках контактов Вашего отца я обратился к

[3] «Мир с тобой»

профессиональному справочнику реставраторов, но нашёл только Ваше имя. Прошу простить меня, если я ошибся адресом.

Сейчас нам требуется помощь с другим образом, пострадавшим во время пожара. Долгие годы никто не брался за его восстановление. Зная о прежней работе Вашего отца в нашем приходе, я надеялся, что он согласится осмотреть его и оценить возможность реставрации.

Если Вы можете передать ему моё письмо или помочь мне связаться с ним, буду Вам признателен. Также нас очень заинтересовали бы сохранившиеся рабочие записи Вашего отца о нашем костёле.

Ниже я оставил адрес прихода и номер телефона. Связь в горах иногда прерывается; лучше всего звонить после вечерней мессы, около восьми часов вечера по нашему времени.

In Christo,

отец Касиан

Ниже были указаны почтовый адрес и номер приходского телефона.

Я сложила письмо и убрала его под последние страницы дневника. *«Ваш отец»*. От этих слов всё ещё сжималось в груди. Я закрыла дневник и положила на столик. Наручные часы показывали половину третьего.

За окном наконец выглянуло солнце. Утренний туман рассеялся, на мокрой осенней листве блестели капли. Я накинула коричневую кожаную куртку и вышла на улицу.

Пахло сырой землёй, опавшими листьями и хвоей. Ветер шевелил ещё влажные волосы; я убрала их за спину и застегнула куртку.

Мне всегда хотелось жить подальше от города. Иногда я даже смотрела объявления, хотя прекрасно понимала, что никуда не перееду: работа, мастерская, всё оставалось там. А теперь этот дом у леса был в моём распоряжении на несколько месяцев.

У забора рос небольшой куст с подсохшими стеблями. На верхушках сохранилось несколько крошечных чернильно-синих цветков. Я сорвала узкий лист, растёрла между пальцами и поднесла руку к лицу.

Резкий камфорный запах, немного похожий на горькую хвою. Так пахли чистые простыни в лечебницах. Я опустила руку, но запах остался на пальцах.

— Это иссоп.

Мягкий знакомый голос прозвучал совсем рядом. Я вздрогнула и выронила растёртый лист.

— Прошу прощения. Я не хотел вас напугать.

К горькому запаху на пальцах примешался другой — остывшего ладана и воска. Лёгкий шлейф тянулся от стоявшего рядом мужчины.

Глубокие голубые глаза смотрели на меня. Я узнала голос, который слышала по телефону, но представляла Касиана совершенно иначе. Он был высоким, в чёрном шерстяном пальто. Из-под воротника виднелись чёрная рубашка и

белая колоратка.

— Отец Касиан?

Голос чуть дрогнул. Мужчина улыбнулся и отступил на шаг.

— Pax tecum, [4]Ноэми.

Он слегка склонил голову. Светло-каштановые волосы завивались у висков.

— Et cum spiritu tuo.[5]

Я улыбнулась уголками губ. Его улыбка стала шире.

— Ещё раз простите, что напугал вас. Я пришёл немного раньше и заметил, как вы срываете иссоп.

Касиан кивнул в сторону растения.

— Почему у него такой странный аромат?

Я подвинулась, освобождая ему место возле куста. Он наклонился и осторожно отломил тонкую веточку с увядающим цветком. Вблизи я заметила совсем лёгкую щетину на скулах.

— Местные называют его зверобоем. Но здесь, при костёле, у него есть другое имя.

— Какое?

— Трава очищения.

Я присмотрелась к цветку в его пальцах.

— В Ветхом Завете иссопом кропили при очищении. Ветви собирали в пучки, обмакивали в кровь или воду. — Он

---

[4] «Мир с тобой»

[5] «И со духом твоим»

поднял на меня взгляд. — Помните пятидесятый псалом? Asperges me, Domine, hyssopo, et mundabor…[6]

— *«Окропи меня, Господи, иссопом, и буду чист».*

Слова вырвались сами собой. Касиан кивнул.

— Но запах… — Я нахмурилась, снова потирая пальцы. — Он совсем не похож на цветочный.

— Камфора и горечь. Про него рассказывали, что монахи носили веточки в карманах сутан, закладывали между страницами молитвенников. Во время ночных бдений растирали листья, чтобы не уснуть.

Я посмотрела на подсохшие стебли. Запах всё ещё держался на коже.

— Помогало?

Касиан перевёл взгляд на бурые колосья вдоль забора. Когда он заговорил снова, его голос стал тише.

— Говорили, он проясняет разум, гонит тяжёлые сны.

Я перестала растирать пальцы.

— Я посадил его у крыльца, когда приехал сюда, — продолжил он. — В туманах Фрэсинета иногда очень нужно что-нибудь, что возвращает ясность мыслей.

Он протянул мне веточку. Секунду я смотрела на маленький синий цветок, затем взяла его.

— Спасибо.

— Готовы прогуляться ?

Он указал на тропинку.

---

[6] Окропи меня, Господи, иссопом, и буду чист

— Да, только возьму инструменты.

Когда мы вышли к полю, сумку с инструментами уже нёс Касиан. Тропинка тянулась между пожелтевшей травой, огибая лужи. Вода отражала солнце; приходилось смотреть под ноги, чтобы не наступить в размокшую землю. От лёгкого ветра с деревьев срывались листья.

— Моё любимое время года, — сказал Касиан, глядя на холмы.

— Здесь прекрасная осень.

Дальше мы шли молча. Я смотрела на лес, на освещённые верхушки деревьев. Иногда приходилось отставать, выбирая, куда поставить ногу, и Касиан замедлял шаг. С ним было легко молчать.

За поворотом показался костёл. Дорожка снова пошла вверх.

Утром за туманом я почти не заметила цвета в окнах. Теперь низкое солнце освещало витражи, и среди тёмных переплётов проступали красные и золотистые стёкла. Даже посеревший камень казался теплее.

Я остановилась.

— Невероятно красиво.

Хотелось запомнить его таким. Утром я рассматривала кладку и следы ремонта; сейчас взгляд всё время возвращался к окнам.

Касиан остановился рядом. Я повернулась к нему и на мгновение встретилась с ним глазами, прежде чем он по-

смотрел на храм.

— Вам стоит зайти внутрь.

На его лице появилась лёгкая улыбка. Мы двинулись дальше, к тёмной двери под стрельчатой аркой.

Тяжёлая дубовая дверь поддалась с мягким, протяжным вздохом. Я переступила порог и прищурилась от тёплого света.

Предзакатное солнце пробивалось сквозь стрельчатые витражи. Цветные стёкла горели в лучах. Свет пересекал сумрак храма, ложился на тёмное дерево пустых скамей и рассыпался по каменным плитам красными, синими и золотистыми пятнами. В косых лучах медленно кружились пылинки.

Внутри было тихо. Под каменными сводами ещё держался сладковатый запах ладана, мирры и пчелиного воска, оставшийся после Реквиема. Я глубоко вдохнула. Здесь он был сильнее, чем на улице, и почему-то хотелось вдохнуть ещё раз.

Я остановилась возле последнего ряда скамей. После ветра и мокрой тропинки эта тишина успокаивала; даже сумку с инструментами не хотелось пока открывать.

Цветные пятна тянулись по проходу к пресвитерию. Там, в полумраке, стоял строгий дубовый алтарь. На нём догорали толстые свечи. Их пламя освещало подножие распятия, оставляя верхнюю часть креста в тени.

Я обернулась. Тяжёлая дверь за моей спиной закрылась.

Касиан остановился у входа и осторожно поставил сумку на пол. Рядом находилась небольшая кропильница. Он опустил в неё кончики пальцев, привычным движением перекрестился и направился к алтарю.

Я подошла к чаше. Вода была холодной. Я ещё смотрела ему вслед, когда рука сама потянулась ко лбу.

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь».

На коже остался влажный след. Горький запах иссопа защекотал нос — даже после святой воды он всё ещё держался на пальцах. Я опустила руку. В детстве я всегда крестилась торопливо, стараясь не отстать от родителей. Сейчас спешить было некуда.

Я прошла вслед за Касианом между пустыми скамьями. Шаги звучали отчётливее, чем мне хотелось, и я невольно замедлилась. Возле алтаря горела красная лампада. Рядом находилась небольшая дарохранительница, за закрытой дверцей которой хранились Святые Дары.

Касиан остановился перед ней и опустился на правое колено, склонив голову. Я остановилась рядом и повторила его движение. Колено коснулось холодного камня.

«Поклоняемся Тебе, Христе, и благословляем Тебя».

Я задержалась так ещё на несколько мгновений, склонив голову. Горечь иссопа всё ещё ощущалась на пальцах, но здесь, рядом с алтарём, её почти заглушал ладан.

Когда я поднялась с колена, Касиан уже стоял рядом с моей сумкой.

— Я решил оставить образ в храме. Для работы подготовил вам бывшую ризницу — комнату прямо за алтарной частью.

Он поднял сумку и направился к боковой двери. Я последовала за ним.

— Благодарю вас.

Внутри колыхнулось странное, щемящее предвкушение. До этого были письма,звонки, долгая дорога. Теперь оставалось только войти.

Касиан открыл большую дубовую дверь и пропустил меня вперёд.

Помещение оказалось просторным. Вдоль правой стены тянулись массивные стеллажи, плотно заставленные книгами. Некоторые корешки потемнели настолько, что надписи на них почти не различались. В комнате пахло кожей и деревом.

Возле окна стоял широкий тёмный стол. Я задержала на нём взгляд: свободная столешница, хороший свет. Ни книг, ни бумаг — всё убрали, оставив место для моей работы.

— Надеюсь, вам будет здесь удобно.

Касиан поставил сумку возле входа. Я прошла к середине комнаты и остановилась.

У левой стены на высоком станке стоял образ в раме, накрытый белой тканью. Она скрывала его целиком, только внизу виднелись деревянные опоры.

Я сделала шаг ближе. Пальцы потянулись к ткани, но у

самого края я остановилась и посмотрела на Касиана.

— Пожалуйста, — произнёс он, кивнув.

Я осторожно взяла ткань за край. На секунду задержала её в пальцах, затем медленно сняла.

Белое полотно соскользнуло на пол.

У меня перехватило дыхание. Передо мной возвышался массивный дубовый щит. Тяжёлый, въевшийся запах гари, старого пепла и сырости обволок комнату.

Образ был в ужасающем состоянии. Пожар семьдесят первого года не просто оставил копоть — он истерзал его.

Поверхность покрывал жёсткий, бугристый кракелюр, похожий на сухую кожу. Старое покрытие местами вздулось пузырями, почернело и запеклось тёмными струпьями. По краям краска осыпалась, обнажив светлый грунт; там, где не осталось и его, проступало дерево.

Массивная барочная рама пострадала сильнее всего. Её нижние углы обуглились, резные листья почти потеряли очертания. И только наверху, среди чёрных потёков сажи, уцелела тусклая золотая надпись: Святой Михаил.

Под обгоревшей коркой угадывался силуэт. Огромные раскинутые крылья. Лицо я не могла разобрать.

Я протянула руку к сумке и достала фонарик.

— Мы уже приглашали специалистов, — произнёс Касиан. Он остановился позади меня, сохраняя расстояние.

Я обернулась.

— Специалистов? Их было несколько?

— Трое, Ноэми. Двое из Бухареста и один независимый эксперт из Ясс. — Он выдохнул. — Все отказались продолжать после первых проб. В заключениях говорится, что покрытие не удалось отделить от живописи без риска повредить её.

Я повернулась к образу и подошла ближе. Направила свет вдоль поверхности. Края чешуек отбрасывали крошечные тени: местами красочный слой поднялся над грунтом и держался лишь с одной стороны.

Пальцы потянулись к доске. Я остановила руку, не коснувшись её.

Одно неловкое движение — и эти чешуйки окажутся у моих ног.

Я опустила фонарик и отступила. Когда Отец Касиан говорил, что образ повреждён, я не представляла, насколько. Теперь мне казалось, что всё это какая-то шутка.

— Вы же понимаете, чем я рискую? — Я прикусила губу и снова посмотрела на крылья. — Если при расчистке уйдёт сама живопись, вернуть её я уже не смогу. Мне придётся отвечать за каждую утраченную частицу.

Я сжала фонарик в ладони.

— Мне нужны заключения всех троих. И фотографии проб. До этого я ничего не начну.

Касиан отступил в сторону, сцепив пальцы перед собой.

— Понимаю. — Он опустил голову. — Прошу прощения, что ввёл вас в заблуждение относительно состояния образа.

Я разочарованно мотнула головой.

— Я не хочу показаться неуважительной, но вы скрыли, что другие мастера уже отказывались от этой работы.

— Вы правы, Ноэми.

Он произнёс это спокойно, не отводя взгляда. Я ждала объяснения.

— Вы помните, как Христа упрекали за исцеление в субботу?

Касиан посмотрел на обугленный образ.

— Он спросил: если у кого-то из вас осёл или вол упадёт в колодец, разве вы не вытащите его немедленно, даже в субботу?

Пока я не понимала, к чему он ведёт.

— Этот приход сейчас на дне такого колодца. Страх и разделение губят людей. А я стою наверху и слышу, что ничего сделать нельзя.

Он снова посмотрел на меня.

— Поэтому вы решили не говорить мне всей правды?

Касиан помолчал.

— Я боялся, что вы тоже откажетесь.

Впервые за весь разговор его ответ прозвучал без объяснений.

— И если ради этого я согрешил, мне отвечать перед Богом.

Мысли разбегались. Я оглядела комнату, снова посмотрела на образ и сжала пальцы. Касиан беззвучно стоял рядом,

сцепив руки.

— Принесите, пожалуйста, документы.

Фраза прозвучала жёстче, чем я планировала. Он кивнул и направился к стеллажам.

Плохая идея, Ноэми. Очень плохая.

Я подцепила ногтем заусенец, продолжая смотреть на образ. Никогда прежде мне не приходилось восстанавливать нечто подобное. Даже если бы отец был жив, я не знала, взялся бы он за такую работу. Он был безусловно талантлив, но одного таланта здесь могло оказаться мало.

— Прошу.

Голос отвлёк меня от мыслей. Касиан протягивал три папки, перетянутые кожаным шнуром.

— Мне нужно время, чтобы ознакомиться с ними.

Я забрала папки и прижала к груди.

— Вы можете остаться в кабинете или взять документы в плебанию.

Он отступил к двери.

— Ознакомлюсь здесь.

Я села за стол и развязала шнур.

— Я буду рядом, если что-то понадобится.

Дверь за его спиной тихо закрылась.

Три небольшие папки лежали передо мной. Я разложила их по датам. Первым шёл отчёт профессора Ионеску из Бухареста. В заключении стояло: *«Покровный и красочный слои спеклись. Безопасное разделение химическим путём невоз-*

можно».

Я обернулась к образу.

— Значит, вместе с лаком уйдёт и краска.

Пролистав отчёт, я нашла описание проб. Спирт, ацетон, результаты наблюдений. Ионеску отмечал, что покрытие не удавалось снять без повреждения живописи. Я перечитала этот раздел, затем вернулась к заключению. Если он прав, расчистка действительно уничтожит то немногое, что пережило пожар.

Вторым был *Раду Василе.* Он отказался от механической расчистки: *«Давление инструмента может привести к осыпанию красочного слоя вместе с грунтом».*

— В этом есть доля правды.

Пальцы постукивали по столу. Я заставила себя остановиться, встала и подошла к сумке. Достала маленький фонарик и лупу.

Начала с верхней части образа, возле золочёной надписи. При прямом свете поверхность казалась сплошной чёрной коркой. Я отвела фонарик в сторону, и края трещин отбрасывали тонкие тени. Покрытие вздулось неровно: местами плотно прилегало к нижнему слою, местами приподнималось над ним.

У края небольшой утраты различалась граница между слоями. Я наклонилась ближе, меняя угол освещения. Здесь они, возможно, не спеклись настолько плотно, как предполагал Ионеску.

Но это был один участок. На остальной поверхности всё могло оказаться иначе.

Я задержала луч на этом месте, стараясь запомнить его положение. Стоило исследовать его внимательнее и лишь потом выбирать способ расчистки. Сейчас у меня не было оснований ни отвергать заключение профессора, ни соглашаться с ним окончательно.

Ниже, там, где угадывался доспех Михаила, картина была хуже. Края чешуек поднялись вместе с грунтом, под ними темнели пустоты. Я машинально потянулась к одной из них и остановила руку.

Василе был прав. Даже лёгкое давление могло оказаться лишним. Прежде чем приближаться сюда со скальпелем, предстояло найти способ укрепить живопись — если она вообще выдержит укрепление.

Я опустила фонарик и вернулась к столу за последней папкой.

Ковач.

Он подробно описал повреждения основы и отдельно — состояние рамы. Нижние углы обуглились, резьба местами была утрачена полностью. Сохранность живописи он счёл крайне низкой: плотная копоть и повреждённое покрытие мешали оценить, сколько авторской краски осталось.

Я снова подошла к образу.

Нижний угол рамы блестел в луче фонарика. От вырезанных листьев остались лишь бесформенные выступы. Здесь

возвращать прежний рельеф было уже нечему.

Выше резьба сохранилась лучше. Сажа заполнила углубления, скрывая мелкие детали, но дерево под ней не везде выглядело обугленным. Я медленно повела светом вдоль края, затем перевела его на сам образ.

В нескольких местах под потемневшим покрытием ещё различались мазки. Этого было недостаточно, чтобы судить обо всей живописи, но я задержалась возле них дольше.

Все трое видели серьёзные повреждения. Я видела их тоже. Пока ни одного из заключений мне не удалось опровергнуть.

Я выключила фонарик. В ровном свете комнаты найденные участки снова затерялись среди трещин и чёрных наплывов.

За столом я подтянула к себе чистый лист и начала записывать, что нужно проверить.

Ионеску. Покровный слой. Повторные пробы на выбранных участках.

Ниже написала: *ДМФ*, — задержала карандаш и поставила рядом вопросительный знак. Затем зачеркнула название.

Слишком рано. Я ещё даже не знала, как поведёт себя краска.

Сначала проверить чувствительность живописи.

Я перешла ко второму пункту.

Василе. Отслоение грунта. Укрепление перед расчисткой.

Рядом появилась короткая запись: *Осетровый клей?*

Я посмотрела на вздувшиеся чешуйки и сильнее стиснула карандаш. Если грунт не выдержит увлажнения, я только ускорю осыпание.

Подчеркнула вопросительный знак.

Лист постепенно заполнялся пометками, но ни одного способа, в котором я была бы уверена, на нём так и не появилось. Я перечитала первую строку и зачеркнула слово *«повторные»*. Чужие пробы не заменяли моих. Но и мои ещё ничего не обещали.

Я откинулась на спинку стула и запрокинула голову. Как бы поступил отец? Взялся бы за реставрацию или отказался, как остальные? Я снова наклонилась к листу с заметками.

— Папа, что бы ты сделал?

Ноготь подцепил заусенец. Я поморщилась, но не убрала руку.

После его смерти боль никуда не делась. Иногда я почти не замечала её, но сейчас она снова теснила грудь. Вспомнилось, как он радовался моему первому заказу, давал советы, а иногда ругал за опрометчивые решения. Однажды, сразу после выпуска, я взялась за работу, к которой ещё не была готова. Боялась отказаться: вдруг следующего предложения пришлось бы ждать годами?

Тогда отец сказал:

«В реставрации, как и в жизни, самый большой грех — это спешка. Если не знаешь, какой реактив взять, отложи инструмент. Зачеркни план. Посиди в тишине и послушай

образ. Дерево само подскажет, где у него болит».

Я провела пальцем по зачёркнутой строке.

— Ноэми.

Я подняла голову. Касиан вошёл и осторожно прикрыл дверь. Вместе с ним в комнате снова появился слабый запах ладана.

— Не хотел вас отвлекать, но подумал, что горячий чай будет кстати.

Он поставил небольшую керамическую чашку на стол и отступил.

— Спасибо, отец.

Я обхватила чашку ладонями. Он смотрел на меня, ожидая, что я сама заговорю.

— Я просмотрела документы. Мастера во многом были правы.

Касиан опустил взгляд на папки.

— Понимаю.

— Но…

Он снова посмотрел на меня. Я поставила чашку и поднялась со стула.

— Должна признаться, отец, мне страшно.

Касиан сделал шаг ближе, но остановился, оставив между нами расстояние.

— Я не могу с уверенностью сказать, что образ получится восстановить. Раньше мне не приходилось работать с настолько повреждённой живописью. Но есть участки, которые

стоит исследовать. Возможно, после проб я смогу сказать больше.

Он некоторое время молчал.

— Вы понимаете, чем рискуете, Ноэми. Меня бы гораздо больше тревожило, если бы вы сразу пообещали его восстановить.

Я усмехнулась и посмотрела на образ. Среди чёрных наплывов покрытия тускло поблёскивала надпись: *Св. Михаил*.

Касиан проследил за моим взглядом.

— Имя Михаил означает *«Кто как Бог?»*. Для меня это напоминание о пределах наших сил.

Я повернулась к нему.

— Но вам всё-таки хочется, чтобы я взялась.

— Хочется, — признал он. — Однако я приму ваше решение. Если вы решите уехать завтра утром с Дору, я пойму.

Я перемялась с ноги на ногу. Часть меня уже представляла, как я складываю инструменты обратно в сумку. Закрываю папки, благодарю за чай и возвращаюсь в плебанию.

Но я всё ещё смотрела на образ. Мне хотелось найти способ. Увидеть, что осталось под почерневшим покрытием, и сделать то, от чего отказались другие. Признаться в этом было неприятно. Я приехала сюда работать, а не доказывать, что лучше трёх опытных мастеров.

И всё же рядом с этой доской я снова думала об отце. Хотелось рассказать ему, что заметила, показать записи, услышать, с чем он согласен, а за что меня отругает.

Я потянулась к заусенцу и остановила руку.

— Пока только исследование, — сказала я. — Решение о реставрации приму после проб.

— Благодарю вас, Ноэми.

Он сложил ладони, и я неловко улыбнулась.

— Пока меня не за что благодарить, отец.

— Вы дали мне надежду. На то, что Михаил вновь расправит крылья над алтарём.

Он говорил так, будто я уже согласилась и знала, что делать.

Обойдя Касиана, я убрала фонарик и лупу в сумку и закинула её на плечо.

— Не торопитесь с выводами, отец Касиан. Надежда — плохой реактив. Левкас она не укрепит.

Касиан тихо рассмеялся. Я посмотрела на него, не ожидая такой реакции. Он прошёл вперёд и открыл для меня дверь.

— Я провожу вас до плебании, Ноэми.

Глава 2

9 октября 2000 год.

Солнце пробивалось сквозь лёгкую занавеску. На стене напротив колыхались светлые пятна. Я сонно потянулась за часами на тумбочке. 6 утра.

В доме было прохладно. Я натянула шерстяное одеяло до подбородка, не решаясь вылезти. Вчера стоило растопить печь, но по дороге в плебанию я так и не призналась Касиану, что совершенно не умею этого делать. И боюсь угореть.

Наконец я села, накинула тёплый кардиган и прошла в ванную. Умылась тёплой водой, ещё немного подержала ладони под струёй. Сон понемногу отступал.

После завтрака я принесла дневник на кухню и открыла последнюю страницу.

— Хлеб, варёное яйцо и яблоко, — произнесла вслух, записывая съеденное.

Ниже добавила:

«Сон был спокойный. Никаких кошмаров».

Я перечитала запись, подчеркнула её и поставила рядом дату.

Вдалеке закричал петух, ему ответил собачий лай. Деревня уже проснулась.

Дверь костёла была открыта. Я остановилась у порога, убирая волосы, которые ветер забросил на лицо. Изнутри

пахло воском и старым деревом; вчерашний ладан ещё чувствовался, хотя прохладный воздух уже успел наполнить храм.

Витражи выглядели совсем иначе, чем вечером. Бледные стёкла едва выделялись на фоне каменных стен, и только красные фрагменты сохраняли цвет. Возле алтаря горели свечи. Их свет ложился на белую ткань и терялся дальше, между пустыми лавками.

Я насчитала пятерых прихожан. Две пожилые женщины стояли рядом, мужчина держал перед собой потёртую кепку. Ещё двое расположились ближе к алтарю. На скрип двери одна из женщин обернулась. Я слегка кивнула ей и опустила пальцы в кропильницу.

Вода была холодной. Перекрестившись, я прошла к последней лавке и поставила сумку возле ног. Здесь можно было остаться незамеченной.

Из боковой двери вышел Касиан. Поверх белой альбы на нём был зелёный орнат, скрывавший привычную чёрную одежду. Он подошёл к алтарю, преклонил колено, затем поднялся и, опершись ладонями о край, поцеловал его.

Я выпрямилась вместе с остальными.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Рука сама поднялась ко лбу.

— Аминь.

Касиан повернулся к нам. В полупустом храме его было слышно отчётливо, хотя говорил он негромко.

— Господь с вами.

— И с духом твоим.

Мой голос прозвучал чуть позже остальных. Я опустила взгляд на спинку лавки перед собой и провела большим пальцем по стёртому краю дерева.

После смерти отца я перестала ходить на мессу в Провиденсе. Сначала не могла заставить себя войти в церковь. Потом находилась работа, хотелось выспаться, нужно было закончить очередной заказ. По воскресеньям я иногда смотрела на часы и понимала, что служба уже началась. Можно было прийти к следующей. Я не приходила.

Теперь слова возвращались прежде, чем я успевала их вспомнить.

Касиан предложил нам приготовиться к службе, признав свои грехи, и на несколько мгновений замолчал. За спиной тихо скрипнула дверь: ветер толкнул её, но она осталась открытой. Я сцепила пальцы.

Нужно было подумать о том, в чём я раскаиваюсь. Вместо этого вспомнился отец, поправляющий манжету перед выходом из дома. Я пыталась удержать его лицо, но видела только руку и маленькую светлую пуговицу.

Рядом заговорили. Я присоединилась к общей молитве, сбилась на нескольких словах и продолжила уже тише.

— Господи, помилуй.

Голос мужчины с кепкой был хриплым. Одна из женщин отвечала почти шёпотом, но я всё равно слышала её с по-

следней лавки.

После вступительной молитвы мы сели. Женщина из первого ряда подошла к амвону, поправила очки и наклонилась над раскрытой книгой. Шелест страницы разнёсся по храму.

Я расстегнула куртку. Ладони ещё не согрелись после дороги, и я спрятала их в рукава, слушая чтение. Несколько раз взгляд уходил к боковой двери, за которой оставался образ. Я поймала себя на том, что опять перебираю вчерашние заметки, и посмотрела на женщину.

Она читала медленно, иногда останавливаясь посреди строки, чтобы перевести дыхание. Никто её не торопил.

Перед Евангелием мы снова поднялись. Касиан раскрыл книгу. Я осенила маленьким крестом лоб, губы и грудь — движение оказалось таким привычным, что пальцы остановились у воротника ещё до того, как я осознала его.

Когда-то отец следил, чтобы я не забывала последний крест. Не поправлял вслух, только касался собственной груди и смотрел на меня.

Я сглотнула и подняла глаза на Касиана.

Теперь он почти не смотрел в книгу. Читал, обращаясь к тем немногим, кто пришёл этим утром, и временами задерживал взгляд на каждом из нас. Когда он посмотрел в мою сторону, я не отвернулась.

Позже, во время евхаристической молитвы, мы опустились на колени. Подставка тихо стукнула под моими ногами. Касиан склонился над алтарём, произнёс слова освящения и

поднял гостию.

Я смотрела на его руки. Пламя ближайшей свечи дрогнуло от сквозняка, и по белой ткани пробежала тень.

Рядом зашуршала одежда. Пожилая женщина сложила ладони и закрыла глаза.

Я тоже опустила голову. Молиться об отце всё ещё было трудно. Несколько секунд я подбирала слова, затем оставила только его имя.

Когда мы поднялись для «Отче наш», ноги уже затекли. Я расправила плечи и присоединилась к остальным. Эту молитву я помнила целиком.

Перед причащением прихожане стали выходить из лавок. Мужчина положил кепку на сиденье и пропустил вперёд пожилую женщину. Я осталась на месте, убрав сумку с прохода.

— Тело Христово.

— Аминь.

Касиан произносил эти слова каждому. Женщина, читавшая у амвона, вернулась первой и опустилась на колени. Я отвела взгляд, чтобы не мешать ей молиться.

После причащения в храме некоторое время было тихо. Я смотрела на свечи, пока движение впереди не заставило меня поднять голову. Касиан встал для заключительной молитвы, и мы поднялись вслед за ним.

В конце он благословил нас. Я перекрестилась.

— Идите с миром.

— Благодарение Богу.

Лавки заскрипели. Мужчина надел кепку только возле выхода; две женщины задержались у двери, тихо переговариваясь. Вместе с ними в храм проник утренний ветер. Я застегнула куртку и осталась сидеть.

Касиан поцеловал алтарь, преклонил колено перед дарохранительницей и ушёл через боковую дверь.

Я подтянула сумку к себе. Теперь, когда служба закончилась, снова вспомнились документы и вчерашние заметки. Нужно было спросить, где можно набрать воды для работы, и уточнить, во сколько храм бывает пуст.

За дверью послышались шаги. Касиан вышел уже без литургического облачения, в знакомой чёрной рубашке с белой колораткой. Заметив меня на последней лавке, он остановился.

— Доброе утро, Ноэми. Как спалось?

— Спасибо, отец. Всё хорошо.

Я поднялась с лавки и подхватила сумку. Касиан отступил, освобождая мне проход.

— Скажите, какие расходные материалы вам необходимы. Я постараюсь найти всё, что нужно, и принесу в ризницу.

— Благодарю вас. Я составлю список чуть позже, когда пойму, чего не хватает.

Он кивнул. Я на секунду задержалась рядом, не зная, нужно ли сказать что-нибудь ещё, потом направилась к боковой двери.

Как только она закрылась за мной, я подошла к образу и

осторожно сняла ткань. На этот раз не дала ей упасть: сложила и оставила на свободном краю стола.

Утренний свет из окна ложился на доску сбоку, подчёркивая каждую вздувшуюся чешуйку. Даже сквозь копоть местами можно было разглядеть тонкую работу. Я задержалась возле одного из уцелевших фрагментов доспеха, пытаясь проследить линию, которая исчезала под чёрной коркой.

Вчера мне хотелось отступить. Сегодня — увидеть, что осталось под ней.

Я поставила сумку на стол и разложила инструменты. Рядом открыла блокнот с заметками и отчёт Ионеску. Пульс слегка участился от ожидания.

Протокол требовал холодной головы. Сначала осмотр, фиксация состояния, небольшие пробы. Никакой спешки.

Но, раскладывая палочки для тампонов, я поймала себя на другой мысли: мне хотелось доказать, что профессора из Бухареста ошибались.

Я убрала руку от инструментов и ещё раз прочитала первую страницу отчёта.

Я надела бинокулярную лупу и подошла к образу. Направила фонарик сбоку, разглядывая приподнятые края краски. На плече Михаила между грунтом и доской виднелся узкий тёмный зазор. Это место пока нельзя было трогать.

Я сфотографировала повреждения и отметила их на схеме. Для первых проб выбрала небольшой участок у края фона, где красочный слой держался лучше. Придвинула стул и

разложила на столе палочки с ватой.

Первые две пробы почти ничего не дали. На тампонах остались серые следы, но потемневшее покрытие выглядело прежним. Я записала результаты и снова сверилась с отчётом Ионеску.

После следующей пробы поверхность немного изменилась. Я поднесла фонарик ближе, потом отвела в сторону. Под истончённой тёмной плёнкой проступила узкая золотистая черта.

Я замерла, боясь поверить, что действительно её вижу.

Мазок уходил под нетронутую корку. Хотелось проследить его дальше, расчистить хотя бы ещё несколько миллиметров. Я уже взяла новую палочку, но положила обратно.

Сначала нужно было осмотреть пробу и записать результат. Один сохранившийся фрагмент ещё ничего не говорил о состоянии всего образа.

Я отметила участок на схеме. Карандаш оставлял слишком бледный след — пришлось ослабить хватку и повернуть его заточенной стороной. Только сейчас заметила, как устали пальцы.

От долгого наклона затекла шея. Я сняла лупу, расправила плечи и посмотрела на часы.

Прошло больше времени, чем мне казалось.

Стук в дверь нарушил тишину.

— Входите, — чуть громче произнесла я, разминая шею.

В ризницу вошёл Касиан. Его взгляд скользнул по разло-

женным инструментам и задержался на образе.

— Ноэми, уже почти два часа. Я хотел предложить вам обед.

Он улыбнулся, и я заметила маленькую ямочку на его подбородке.

— Уже?

Я посмотрела на наручные часы. Пропускать обед нельзя.

— Буду очень признательна.

Закрыв флаконы, я подхватила куртку со спинки стула и торопливо накинула её.

— Тогда пройдёмте.

Касиан отступил, пропуская меня к двери.

Мы поднялись по узкой каменной лестнице на второй этаж и вошли в комнату, больше похожую на переделанный чердак. Под скатами крыши оставались открытые деревянные балки. Почти до пола спускалось высокое витражное окно с изображением Девы Марии. Солнечные лучи проходили сквозь красные, жёлтые и синие стёкла, оставляя цветные пятна на полу.

Справа стоял диван. На столике перед ним лежали книги и несколько кассет. Раскрытая книга осталась на подлокотнике, рядом свисал край шерстяного пледа. Вдоль противоположной стены устроили кухонный уголок: газовая горелка, маленький холодильник и полка с посудой. Возле окна помещался обеденный стол.

— Прошу простить за беспорядок.

Касиан прошёл к холодильнику, а я задержалась возле дивана.

— Вы тут живёте?

Он обернулся.

— Временно. Пока вы занимаетесь реставрацией.

— А раньше?

— В плебании. Я решил уступить её вам.

Так это был его дом.

Я вспомнила, как выбирала комнату и раскладывала вещи по полкам. Его полкам.

— Не стоило. Я вполне могла бы поселиться здесь.

Касиан негромко рассмеялся. Смех у него был низким, тягучим, словно мёд.

— Здесь тесно, а ванная внизу. Вам будет удобнее в плебании.

Я снова оглядела комнату. Диван был узким, и плед на нём, кажется, заменял одеяло.

— А вам здесь удобно?

— Для одного человека вполне достаточно.

Он достал небольшую кастрюлю и поставил её на горелку. Я подошла к столу.

— Садитесь, пожалуйста.

На стуле лежали две книги. Касиан заметил их одновременно со мной.

— Простите. Вот это я собирался убрать.

Он забрал книги и оглянулся в поисках свободного ме-

ста. В конце концов положил их на холодильник. Я невольно улыбнулась и села.

Пока он доставал посуду, мой взгляд снова вернулся к кассетам.

— В плебании тоже осталась одна. Роберт Джонсон. Ваша?

— Да, — он посмотрел на меня. — Значит, кое-что я всё-таки забыл.

— Я выбрала ту комнату.

— Надеюсь, не только из-за кассеты.

— Она привлекла внимание первой.

На этот раз я улыбнулась ему, не отводя взгляда.

Касиан поставил передо мной тарелку с нарезанным хлебом. От свежего мякиша пахло так сильно, что я только сейчас почувствовала голод. Рядом он положил варёные яйца, а когда бульон согрелся, налил его в керамическую кружку.

— Спасибо большое, отец.

Он поставил свою кружку напротив и остался стоять возле стола. Я тоже поднялась.

Касиан перекрестился, и я повторила его движение.

— Благослови, Господи, нас и эти дары Твои, которые мы принимаем от Твоей щедрости. Через Христа, Господа нашего.

Я тихо произносила молитву вместе с ним.

— Аминь.

Мы сели. Я обхватила горячую кружку ладонями, прежде

чем сделать первый глоток.

— Отец, — произнесла я, ставя кружку на стол. — В письме вы просили привезти рабочие записи отца. О том образе, который он реставрировал здесь.

Касиан внимательно посмотрел на меня.

— Да. Вам удалось их найти?

— Только один листок.

Я слегка поджала губы.

— Отец хранил документы по каждой реставрации, от начала работ до конца. Расписывал каждый свой шаг. Но об образе, над которым он работал здесь, остался только листок с датами начала и окончания.

Священник вопросительно поднял брови, откинувшись на спинку стула.

— Возможно, остальные записи потерялись?

— Возможно.

Я провела пальцем по краю кружки. Папки я перебрала несколько раз.

— Могу я увидеть образ, который он реставрировал?

— Ваш отец работал над «Пьетой». Она находится в боковой капелле, слева от главного алтаря.

— Я её не заметила.

— Мы туда вчера не заходили. Если захотите, после обеда я покажу.

Я кивнула, слегка улыбнувшись.

Когда мы закончили с обедом, я помогла Касиану убрать

со стола. Он несколько раз пытался забрать у меня посуду, но в итоге сдался.

Мы спустились обратно в храм. После обеда здесь было прохладно; я подтянула ворот куртки и пошла за Касианом мимо пустых лавок. Слева от пресвитерия темнела арка. Из главного нефа за ней была видна только часть стены и край резной рамы.

Касиан остановился у входа в капеллу и пропустил меня вперёд. Пахло воском. Свет из храма не доходил до небольшого алтаря, и мне пришлось подойти ближе, чтобы рассмотреть висевший над ним образ.

Богоматерь сидела, склонив голову над лежавшим у неё на коленях Христом. Синее покрывало почти сливалось с тёмным фоном. Из складок выступали её лицо, руки и бледное тело сына. Одной ладонью Мария поддерживала его затылок; другая лежала на груди, чуть ниже раны. Голова Христа запрокинулась, губы оставались приоткрытыми. Рука свисала с её колен, и пальцы почти касались земли.

Я остановилась перед алтарём. На лице Марии не было ни крика, ни обращённого к небу взгляда. Она смотрела на сына. Казалось, нижняя губа вот-вот дрогнет — художнику удалось передать это несколькими тонкими мазками. Я наклонила голову, разглядывая тень под её подбородком, затем снова вернулась к руке.

Пальцы бережно придерживали его голову, будто ему всё ещё могло быть неудобно.

— Ваш отец совершил здесь настоящее чудо ещё до того, как пришёл огонь.

Касиан стоял рядом, чуть позади. Я посмотрела на него, потом снова на образ. Отец работал здесь, перед этой доской. Снимал потемневшее покрытие, укреплял то, что могло осыпаться. Я знала его движения, но сейчас почти не находила следов вмешательства. Хотелось подойти ещё ближе и рассмотреть всё при хорошем свете.

— В семьдесят первом году, когда костёл горел, пламя не добралось до этого крыла, — продолжил Касиан.

— Говорят, ветер резко переменился, когда огонь уже подбирался к капелле. Местные старики до сих пор крестятся, проходя мимо. Они верят, что «Пьета» сама оттолкнула от себя пламя.

Он ненадолго замолчал. Я следила за складкой покрывала, уходившей под локоть Марии. Даже в полумраке различался переход от синего к почти чёрному.

— Мне хочется думать, что огонь пощадил её не случайно. Ваш отец вложил в эту работу столько смирения и света, что у пожара просто не поднялась рука сожрать такую истину.

Я перестала разглядывать складки.

Касиан поднял глаза к образу.

— Для нашего прихода она — одна из немногих вещей, сохранившихся от прежнего, допожарного костёла. Когда руки опускаются, я прихожу сюда. Она напоминает мне, что

тьма никогда не забирает всё до конца.

Я слушала его, не отрывая взгляда от руки Богоматери. Ещё минуту назад мне хотелось спокойно постоять здесь, найти что-нибудь знакомое в работе отца. Теперь пальцы сжимали ремень сумки так сильно, что край врезался в ладонь.

— Пожар не тронул её, потому что огонь не добрался до этого придела, отец Касиан. Вы сами сказали: переменился ветер.

Он повернулся ко мне.

— Я знаю, как это звучит для вас…

— А если бы она сгорела? — перебила я. — Это означало бы, что отец вложил в неё недостаточно смирения?

Касиан замолчал. Вопрос прозвучал резко, громче, чем следовало говорить в маленькой капелле. Я услышала это сама, но смягчать его не хотелось.

— Мой отец безупречно владел своим делом. Он мог неделями работать над участком размером с ноготь. Переделывать собственную работу, если результат его не устраивал.

Я повернулась к образу и указала на ладонь Марии, поддерживающую затылок Христа.

— Посмотрите на неё. На тени между пальцами, на этот край у волос. Он сохранил всё это. И мне не хочется слышать, что его работа уцелела благодаря тому, насколько чистой она была перед Богом.

— Я не хотел умалить его труд, Ноэми.

— Тогда не надо.

Слова вырвались прежде, чем я успела остановиться. Я отвернулась. Синее покрывало, лицо Марии, приоткрытый рот Христа — взгляд переходил с одного на другое, но сосредоточиться на живописи уже не получалось.

Касиан оставался рядом. Не осмелившись заговорить снова, и от этого молчания становилось ещё труднее.

— Вы ищете здесь Божий промысел. А для меня эта «Пьета» — напоминание о том, кем отец был до того, как его разум превратился в такой же обугленный пепел, как ваш образ Михаила.

На последних словах пришлось сглотнуть. Я отпустила ремень, почувствовав, как ноет ладонь, и повернулась к священнику. В полумраке его голубые глаза казались пугающе понимающими, но я упрямо выставила свои ментальные шипы.

— Он оставил здесь свой лучший кусок души. И если я возьмусь за второй образ, то ради него. Чтобы доказать самой себе, что его руки продолжаются в моих. А не ради спасения вашей паствы.

Касиан выдержал мой взгляд. На этот раз он не улыбнулся и не опустил голову.

— Ваш отец восстановил этот образ, — сказал он. — Люди приходят к нему до сих пор. Для них его работа значит больше, чем вы, возможно, готовы сейчас услышать.

Я сжала губы. Хотелось ответить, но пришлось бы снова

говорить об отце, а я уже сказала слишком много.

Касиан отступил, освобождая проход к арке.

— Но решать, ради чего вам работать, я не вправе.

Я подхватила сползавшую сумку и первой вышла из капеллы. В главном нефе было светлее. Под ногами лежали цветные пятна от витражей, и я пошла по ним к ризнице, не оборачиваясь.

Вернувшись в ризницу, я поставила сумку на стол и достала отчёт Василе. После разговора в капелле хотелось сразу взяться за инструменты, сделать хоть что-нибудь. Я положила рядом чистый лист и несколько секунд смотрела на него, пока пальцы не перестали сжимать карандаш. Напротив фамилии Василе стояло: «Осетровый клей?» Вопросительный знак я обвела так сильно, что бумага продавилась.

Пока он там и останется.

С подготовкой клеевого раствора пришлось повозиться. Я освободила часть стола, достала тонкую защитную бумагу и небольшой реставрационный утюжок. Касиан предлагал принести расходные материалы, а я до сих пор не составила ему список.

Теперь хотя бы знала, что в него войдёт.

Для пробы выбрала небольшой участок возле утраты, отмеченной утром. До плеча Михаила пока не добраться: там слишком много поднятых чешуек, и одно неудачное движение могло потянуть за собой соседние.

Я придвинула стул и устроилась так, чтобы не держать ру-

ку на весу.

Подготовленная кисть замерла возле доски. Вчера я только предполагала, что этот грунт можно укрепить. Сейчас предстояло проверить.

Я начала с самого края выбранного участка, следя за его реакцией на состав. Отложила кисть, приблизила лупу. Краска не поползла, грунт не начал рассыпаться. Пока можно было продолжать.

Работала через защитную бумагу, понемногу, постоянно останавливаясь для проверки. Поднятый край постепенно становился ровнее. Захотелось чуть усилить нажим, закончить быстрее.

Я убрала инструмент.

Вот так и теряют живопись. Когда кажется, что всё уже получается.

Защитную бумагу оставила на месте. Проверять прочность соединения сейчас было рано; к этому участку нужно вернуться после высыхания. Я записала, что сделала, и отдельно отметила время.

Потом посмотрела на вопросительный знак.

Стирать его не стала. Рядом дописала: *«Первая проба — без видимого ухудшения. Проверить завтра».*

На другом листе начала составлять список для Касиана. Бумага, дополнительные кисти, материалы для следующих проб. По мере работы список становился длиннее.

Я остановилась над последней строкой.

Он ведь просил перечислить всё это ещё утром. Тогда я собиралась назвать только то, что понадобится для обследования.

Теперь записывала то, с чем буду работать дальше.

За тяжёлой дверью уже заканчивалась вечерняя месса. Голос Касиана доходил до меня едва слышно, иногда к нему присоединялись ответы прихожан. После разговора возле «Пьеты» он пригласил меня прийти, но я так и осталась в ризнице. Надеюсь, ему не покажется, что я всё ещё злюсь.

Я закрыла флаконы и собрала инструменты на свободном краю стола. Документы сложила по порядку, оставив сверху сегодняшние записи и список материалов. Затем закрепила белую ткань на станке так, чтобы она не касалась живописи.

За окном уже стемнело. Я включила настольную лампу. Тёплый оранжевый свет лёг на бумаги, высветил потёртости столешницы и отразился в стекле. Теперь вместо леса за окном виднелась комната и я сама, сидящая над исписанными листами.

Палец постукивал по дереву. Я перебирала слова, которыми скажу Касиану, что берусь за реставрацию. Назвать срок пока не могла. Даже приблизительный. Мне не хотелось, чтобы он услышал в моём согласии обещание, которого я не давала.

— Ноэми.

Я обернулась. Касиан стоял на пороге, держа в руке чашку. Дверь за его спиной оставалась приоткрытой; из храма

тянуло прохладой и остывшим воском.

— Это входит у вас в привычку, — улыбнулась я, поднимаясь.

Он усмехнулся и протянул мне чай. Аромат ромашки, мяты и мёда коснулся носа. Я поднесла чашку ближе и глубоко вдохнула.

— Мне кажется, это хорошая привычка. — Он слегка улыбнулся и перевёл взгляд на станок, где под белым саваном угадывались очертания ростового образа. Ждал моего вердикта.

Я опустила чашку на стол. В свете лампы чай казался почти янтарным; над ним ещё поднимался тонкий пар. Список материалов лежал под моей ладонью. Я разгладила загнувшийся угол листа, прежде чем поднять глаза на Касиана.

— Я возьмусь, отец.

Он повернулся ко мне, и улыбка медленно вернулась на его лицо.

— Но сначала придётся укрепить то, что ещё держится, — добавила я, прежде чем он успел ответить. — До расчистки самых повреждённых участков мы доберёмся не сразу. И сколько времени понадобится, я пока не скажу.

Я протянула ему список.

Касиан принял лист, но взгляд его оставался на мне.

— Вы думаете, его можно восстановить?

В его голубых глазах было столько надежды, что я на секунду пожалела о своей поспешности.

— Я думаю, здесь ещё есть что спасать.

Он медленно кивнул, опустив глаза к списку.

— Я рад, что вы не отступили.

Я взяла чашку и сделала осторожный глоток. Чай обжигал губы. Взгляд снова задержался на белой ткани.

— Отец Касиан… Кто-нибудь в деревне ещё помнит моего отца?

Священник поднял глаза от листа.

— Попробуйте поговорить с Дору. В те годы он жил здесь и помогал при храме. Возможно, что-нибудь расскажет.

Я выпрямилась.

— Как его найти?

— Он приезжает раз в неделю навестить сестру. Я запишу вам его домашний номер.

— Спасибо, отец.

Я снова поднесла чашку к губам. Сколько часов мы провели в машине, а я даже не подумала спросить, знал ли он отца. Тогда мне хотелось только, чтобы дорога скорее закончилась.

Касиан аккуратно сложил список материалов.

— Давайте я провожу вас до плебании, Ноэми. Уже поздно.

Глава 3

10 октября 2000 год.

Бледный осенний свет проникал в ризницу. Я поставила на стол небольшой серый термос.

На часах было семь утра. Я пришла пораньше, чтобы не пробираться к кабинету во время утренней мессы. За дверью уже слышались шаги Касиана, который готовился к службе. Из храма тянуло ладаном.

Вчера по дороге до плебании мы не обмолвились ни словом. Каждый оставался в своих мыслях. Я хотела извиниться за слова перед «Пьетой», но так и не решилась. А стоило ли вообще?

— Сосредоточься, Ноэми.

Я разложила инструменты на столе, проверяя, всё ли на месте. Носок ботинка задел что-то под столом.

— Что это?

Наклонившись, я увидела небольшую коробку с прикреплённой запиской.

«Ноэми, я постарался найти всё, что вы написали. Надеюсь, это поможет вам в работе».

Я открыла коробку. Всё, что я просила, было аккуратно сложено внутри. Когда он успел? Вчера он проводил меня около девяти вечера. Я провела пальцем по сгибу записки и положила её рядом с блокнотом. Его желание восстановить

образ не было просто словами.

Сняв со станка ткань, я придвинула лампу к участку, который укрепляла вчера. За ночь защитная бумага высохла и плотно прилегла к поверхности. Я надела лупу и, осторожно размягчив клей, начала освобождать небольшой фрагмент.

Под бумагой показалась краска. Я отвела лампу в сторону, рассматривая поверхность в скользящем свете. Край, который вчера приподнимался над грунтом, лежал ровно. Вдоль трещины не появилось новых утрат.

Я наклонилась ближе.

Держится.

Несколько секунд я просто смотрела на этот участок, потом невольно улыбнулась.

— Получилось.

Голос прозвучал громче, чем я собиралась. Я оглянулась на дверь, словно Касиан мог услышать меня из храма, и снова повернулась к доске.

В блокноте рядом со вчерашней записью добавила результат проверки. Теперь можно было продолжать.

Я придвинула стул к нижней части образа. Здесь, слева, над обугленным краем рамы, сквозь потемневшее покрытие угадывались округлые очертания. Облака. Пока почти невозможно было различить, где заканчивался один мазок и начинался другой.

Рама осыпалась от любого неосторожного касания, поэтому я устроилась так, чтобы не задевать её ни рукавом, ни

коленом. Разложила рядом чистые тампоны, открыла рабочий раствор и сверилась с утренними отметками. Выбранный фрагмент держался крепче соседних.

Первое касание оставило на вате тёмный след. Я повернула палочку, проверила поверхность под лупой и взяла новую. На этом участке покрытие поддавалось медленнее, чем на вчерашней пробе. Приходилось останавливаться, менять тампон, вновь приближать лампу.

За дверью началась месса. Голос Касиана проходил сквозь дерево приглушённо; слов я почти не различала. Прихожане ответили ему, и я на мгновение замерла с палочкой в руке.

Потом снова наклонилась к образу.

Под тёмным слоем проступил холодный серо-голубой цвет. Ещё несколько осторожных движений открыли светлый изгиб облака. Я проследила его взглядом: мягкий мазок уходил в тень, а рядом лежал другой, более плотный, почти белый.

Как же хорошо это было написано.

Я отстранилась, чтобы посмотреть без увеличения. Совсем небольшой расчищенный фрагмент уже отличался от окружающей поверхности. В нём появилась глубина: облако выступало вперёд, а сизая тень за ним отступала куда-то под крыло ангела.

Я вернулась к работе.

Тампоны постепенно заполняли приготовленную ёмкость. Некоторые участки поддавались легко; возле трещин

приходилось замедляться, оставляя покрытие там, где дальнейшая расчистка могла потревожить краску. Такие места я отмечала на схеме и обходила.

Месса закончилась. В храме заскрипели лавки, послышались тихие голоса и шаги. Я потянулась к термосу, налила немного чая в крышку и оставила её на краю стола — как раз удалось различить ещё одну линию, которую хотелось рассмотреть.

Когда я наконец сделала глоток, чай уже остыл.

К полудню несколько небольших расчищенных участков соединились. Стало видно, как свет ложился на верхнюю кромку облака и постепенно терялся в густой синеватой тени. Между мазками оставались потемневшие трещины, местами живопись была утрачена совсем, но рисунок уже можно было прочитать.

Я сняла лупу и осторожно потёрла переносицу. От долгого сидения затекла поясница. Пришлось подняться и пройтись до окна.

Вернувшись, я задержалась перед станком. На огромной доске утренняя работа занимала совсем мало места. Но я уже видела, откуда завтра продолжу.

Я сфотографировала расчищенный участок, записала наблюдения и только тогда посмотрела на часы.

Было почти два.

Я достала из сумки небольшой контейнер с заранее приготовленным обедом: отварной картофель, сыр и огурец. За

окном светило солнце. Всё утро я просидела перед образом, а территорию вокруг костёла так толком и не осмотрела.

Вымыв руки, я накинула куртку, взяла контейнер и дневник и вышла на улицу. Тропинка за церковью вела к старому кладбищу. По дороге к плебании я заметила рядом с ним небольшой сад, но тогда мы прошли мимо.

Сад начинался сразу за низкой каменной оградой. Возле белого фонтана с фигурой ангела рос большой дуб. Его ветви нависали над дорожкой, и под ногами шуршали жёсткие бурые листья.

Я остановилась возле фонтана. Краска на сложенных крыльях потрескалась, местами обнажив серый камень. В углублениях темнел налёт, зато бортик чаши был чистым. Похоже, за фонтаном всё ещё ухаживали.

Рядом стояла каменная скамейка. Я села, подложив под себя край куртки, и поставила контейнер возле дневника. Камень оказался холодным даже на солнце.

У скамейки отцветал розовый куст. Несколько белых цветков ещё держались на ветках, другие уже осыпались, оставив лепестки среди мокрой листвы. Я наклонилась к ближайшей розе. Запах был слабым, но ветер время от времени приносил его снова.

Над головой с ветки на ветку перелетали птицы. Одна устроилась совсем близко, на тонком сучке, и я замерла с открытым контейнером в руках, наблюдая, как она перебирает лапками.

Потом достала вилку и принялась за обед. Можно было жевать медленно, смотреть по сторонам и никуда не торопиться.

Я доела картофель и закрыла контейнер. На крышку упал сухой дубовый лист. Смахнув его, я заметила за ветвями движение.

Касиан шёл по тропинке вдоль костёла. Пальто было расстёгнуто, в одной руке он держал небольшую книгу. Возле ограды он остановился, пропуская полосатого кота, который неторопливо пересёк дорожку и исчез в траве.

Я улыбнулась. Касиан повернулся к кладбищенской калитке, так и не заметив меня.

— Отец Касиан!

Он обернулся, поискал меня взглядом и слегка приподнял книгу в приветствии.

— Я думал, вы ещё в ризнице.

— Решила пообедать здесь.

Он подошёл ближе. Я убрала контейнер и дневник, освобождая место. Касиан сел рядом, сохраняя между нами расстояние, и положил книгу на колени. Я слегка повернулась к нему.

— Не спросите, как продвигается работа? — Я ухмыльнулась.

— Думаю, если вы захотите рассказать, то расскажете сами. — Он повернул голову ко мне. — Я не буду стоять у вас над душой и просить отчитаться за каждое движение скаль-

пеля.

Касиан усмехнулся, и я не удержалась от ответной улыбки.

— Спасибо, отец.

Он помолчал.

— Ну так как образ?

Мы на секунду замерли, а потом засмеялись одновременно.

— Ненадолго вас хватило, отец.

Касиан кивнул, всё ещё улыбаясь. В дневном свете его голубые глаза казались ещё ярче. Цвет напоминал безоблачное летнее небо, когда солнце стоит в зените.

Я опустила взгляд, носком ботинка перебирая листья под ногами.

— Сегодня получилось расчистить небольшой фрагмент. Пока всё продвигается лучше, чем я ожидала.

— Я бы назвал это чудом, — его улыбка стала чуть шире, — но помню ваше предупреждение. Скажем так: это отличный технический результат, Ноэми. Я снял бы перед вами шляпу, если бы её носил.

— Надеюсь увидеть вас завтра в шляпе.

Я тихо усмехнулась и посмотрела на него.

Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза. Касиан первым отвёл взгляд к траве под ногами и провёл большим пальцем по корешку книги.

— Дору будет в деревне через четыре дня.

Он поднялся со скамейки. Я слегка растерялась, не сразу

уловив перемену темы.

— Запишите адрес его сестры. — Он кивнул в сторону дневника. — Вы сможете поговорить там.

— А… да, благодарю.

Я раскрыла дневник. На странице стояли время завтрака, перечень съеденного и запись о сне. Касиан опустил глаза к развороту, и я поспешно перелистнула его.

— Простите, сейчас.

Пальцы успели замёрзнуть и плохо слушались. Я нашла чистую страницу и достала ручку.

— Дом номер тридцать шесть. Спуститесь в деревню и идите прямо до двадцать пятого дома. Там поверните налево. Небольшой голубой дом, его легко заметить.

Я записала номер и нарисовала рядом стрелку.

— Налево после двадцать пятого?

— Да. Дору будет ждать вас с двенадцати до четырёх.

— Спасибо, отец.

Я закрыла дневник и положила его рядом с контейнером. Касиан слегка кивнул, поправил книгу под мышкой и пошёл обратно к костёлу.

Последующие дни пролетели быстро. У меня даже выработалось своё расписание: прийти раньше мессы, работать до двух, а затем обедать в саду.

В нижней части образа расчищенные фрагменты постепенно соединялись. Теперь я различала несколько облаков:

светлые края, густые сизые тени между ними, тонкие мазки, которые раньше терялись под потемневшим покрытием. Иногда приходилось подолгу сидеть над одним местом. Там, где краска держалась хуже, я останавливалась и занималась укреплением, оставляя расчистку на потом.

На схеме становилось всё больше отметок. Я уже помнила, какие участки нельзя трогать, но всё равно сверялась с записями. Особенно к вечеру, когда уставали глаза и хотелось закончить хотя бы ещё один маленький фрагмент.

Обед я брала с собой. В саду часто видела отца Касиана за работой на кладбище. Он убирал листья, очищал плиты. Иногда останавливался погладить полосатого кота, который ходил за ним между могилами.

После обеда я возвращалась в ризницу. Садовый холод ещё держался в пальцах, и первые несколько минут я просто сидела перед доской, согревая руки. Без лупы результат выглядел скромнее. Вблизи я могла долго рассматривать открывшийся мазок, а стоило отойти к столу — и он почти терялся на огромном потемневшем образе.

Однажды рядом с облаками показался край светлой ткани. Я проследила изгиб складки, расчистила небольшой участок вокруг и отступила. Даже через всю комнату теперь было видно, как ткань выступает из тёмного фона. В тот вечер я особенно долго собирала инструменты, то и дело оборачиваясь к станку.

Касиан по-прежнему приносил мне чай и провожал до

плебании. Чаще всего мы молчали, но иногда завязывался короткий разговор. В одном из них я узнала, что кота зовут Лео. А когда Касиан признался, что его любимый фильм — «Титаник», я долго не могла перестать смеяться. Он смотрел на меня с улыбкой и терпеливо ждал, когда я наконец успокоюсь.

В доме становилось всё холоднее. По вечерам я уже не снимала кардиган, а утром долго лежала под одеялом, прежде чем решиться встать.

Касиану я так и не призналась, что не умею растапливать печь. Каждый раз собиралась спросить об этом по дороге, но возле калитки снова желала ему спокойной ночи и уходила в дом.

14 октября 2000 год.

Спустя четыре дня пришло время встречи с Дору. Освободившись после обеда, я предупредила Касиана и отправилась в деревню. В день приезда я видела её только из окна машины и так и не выбралась на полноценную прогулку.

Жёлтая листва осыпалась с деревьев. Солнце проходило сквозь поредевшие ветви и ложилось на дорогу неровными пятнами. За заборами слышались разговоры, чей-то смех. Из печных труб поднимался дым, в воздухе пахло дровами.

Мимо прошёл мужчина, ведя коня под уздцы. Следом — женщина с молочным бидоном, который время от времени задевал её юбку. Жители смотрели на меня с любопытством, но все здоровались.

За двадцать пятым домом я повернула налево и вышла на небольшую улицу. Здесь стояли всего два дома, а дальше виднелся водоём. На неподвижной воде плавали жёлтые листья.

Голубой дом я узнала сразу. Возле забора стояла машина Дору — её я точно не забуду.

Дом его сестры располагался чуть в низине, за разросшимися кустами сирени и орешника. Над крышей, покрытой потемневшей дранкой, вился тонкий сизый дым. Пахло берёзовыми дровами и печёным тестом.

Я поправила ремень сумки и толкнула низкую калитку. Покосившийся забор едва доставал мне до пояса. Под ногами захлюпала глина, перемешанная с мокрыми листьями. Пришлось выбирать место для каждого шага, чтобы окончательно не погубить ботинки.

Дору ждал на крыльце. Поверх рубахи на нём был толстый шерстяной жилет. В руках он держал полотенце.

— Заходите, Ноэми, заходите скорее. Уже похолодало.

Он улыбнулся и отступил, открывая деревянную дверь.

В сенях было прохладно и темно. Запах дров смешивался со сладковатым ароматом сушёных трав. Под потолком висели пучки ромашки, зверобоя и мяты. На низком табурете стояло ведро с водой; возле края тускло поблёскивал металлический ковш.

— Проходи, дорогая, не стесняйся, — раздался женский голос.

Из глубины дома вышла сестра Дору. Невысокая женщина лет шестидесяти, со светлыми волосами, убранными под тёмный узорчатый платок. Она посмотрела на мои испачканные ботинки и протянула мягкие тканые тапочки.

— Спасибо.

Я присела, чтобы переобуться, стараясь не касаться грязной подошвой половиц.

Дору повёл меня в парадную комнату.

Здесь было прохладнее, чем в остальном доме. На подоконнике лежала спелая айва, и её густой аромат чувствовался уже у двери. К нему примешивались запахи лаванды и старой шерсти.

Вдоль стен стояли тяжёлые сундуки, покрытые тканными коврами с яркими геометрическими узорами. В углу висели святые образы в резных рамах. Под ними белели чистые полотенца, за одну из рам были заложены сухие веточки вербы.

Посреди комнаты стоял массивный стол, уже накрытый белой скатертью.

Я села на край деревянной лавки и опустила сумку возле ног. После ходьбы спина понемногу расслаблялась. Дору устроился напротив, а его сестра вернулась на кухню.

— Хорошо дошли?

— Да. Отец Касиан подробно объяснил дорогу.

— Он мне сказал, что вы придёте.

Дору достал маленькие стеклянные стопки. Его сестра поставила на стол пузатый графин. Жидкость внутри была про-

зрачной, но стоило вынуть пробку, как запахло крепким алкоголем и спелой сливой.

— Наша хоринка, — с гордостью произнёс Дору. — Двойной перегон. Лучше любого лекарства.

Он подвинул ко мне наполненную стопку.

— Попробуй, Ноэми. За приезд.

Я посмотрела на прозрачную жидкость. Внутри привычно шевельнулось беспокойство. Через два часа мне нужно было принимать вечернюю дозу витаминов. Еда, сон, время приёма — я старалась не отступать от своего расписания, а алкоголь предпочитала обходить стороной.

Но как отказаться сейчас? Они ждали меня, приготовили угощение. Я взяла стопку, решив только пригубить.

Сестра Дору тем временем выставляла еду. На большой глиняной тарелке лежала горячая жёлтая мамалыга. Хозяйка натянула между пальцами нитку и ловко отделила толстый ломоть. Рядом поставила миску с овечьей брынзой, шкварки, запечённый в шелухе чеснок и зелёные маринованные помидоры.

Я уже пообедала, но от мамалыги поднимался пар, а чеснок пах сладко и совсем не так резко, как сырой.

— Ешь, пока горячее.

Женщина положила мне на тарелку ломоть и придвинула сыр.

— Спасибо.

Дору поднял стопку.

— За твой приезд, Ноэми. И за то, чтобы твои руки вернули нашему храму его защитника.

Я заставила себя улыбнуться и поднесла холодное стекло к губам.

Хоринка обожгла язык. Я сделала совсем маленький глоток, но всё равно с трудом сглотнула. Жар прошёл по горлу и опустился к животу.

Поставив стопку, я сразу потянулась за брынзой. Сыр был плотным и солёным. Я медленно прожевала кусочек, пережидая жжение, и подняла глаза на Дору.

— Ну как? — Дору приподнял брови, поглядывая то на меня, то на почти полную стопку.

— Очень вкусно.

Я попыталась улыбнуться, всё ещё чувствуя жжение в горле. Дору с сестрой засмеялись. Женщина подвинула ко мне мамалыгу, словно одного кусочка сыра было недостаточно, чтобы пережить знакомство с их хоринкой.

— Сразу видно, что ты никогда её не пила. Я ведь так и не представилась. Анка.

— Рада с вами познакомиться.

— Дору был прав: твой румынский просто потрясающий! — Она хлопнула брата по спине. Он виновато покосился на меня, а я перевела взгляд с одного на другую. Значит, обо мне здесь уже успели поговорить.

— Спасибо, очень приятно.

— Откуда ты его так хорошо знаешь?

Я положила вилку на край тарелки. Вопрос был обычным, доброжелательным, но за ним неизбежно последуют другие.

— Мои родители из Румынии. Мы эмигрировали в США, но дома всегда было правило: говорим только на румынском.

— Правильно! Надо чтить свои корни! — Дору опрокинул ещё одну рюмку и сразу потянулся за закуской.

Такие ситуации были моим собственным маленьким кругом ада, из которого не выбраться. Они спрашивали про семью, США, работу и Касиана. Анка подкладывала мне еду, Дору вспоминал знакомых, которые тоже уехали, а я старалась отвечать размыто и при этом не выглядеть неблагодарной. Стоило замолчать чуть дольше, как кто-нибудь задавал новый вопрос. Я жевала медленно, пользуясь хотя бы этой возможностью не говорить.

Когда Анка начала собирать опустевшие тарелки, я наконец решилась. Подвинулась ближе к столу, убрала со скатерти крошку, прилипшую к рукаву, и подняла глаза на Дору.

— Вы жили в деревне, когда мой отец приезжал реставрировать «Пьету»?

Он дожевал ломоть хлеба и оживился.

— Да, да, я его помню! — Несколько секунд Дору смотрел перед собой, потом хлопнул ладонью по столу. — Лука!

Я слегка дёрнулась. Он произнёс имя так легко, с такой уверенностью, что я не сразу смогла ответить. Давно никто не говорил об отце как о человеке, которого просто знал когда-то.

— Лука, верно.

Я опустила руки под стол. Ноготь автоматически нашёл заусенец; я подцепила его, потянула и остановилась, почувствовав боль.

— Скажите, что вы помните? Вы с ним общались?

Дору потёр седые усы и кивнул. Анка перестала собирать посуду и села рядом с братом.

— Я тогда буквально жил в церкви, помогал отцу Стефану. А Лука как раз работал над «Пьетой».

— Он рассказывал что-нибудь о реставрации?

— Мало. Закрытый был человек. Всё сидел в ризнице, до поздней ночи. Месяцев пять у нас пробыл, наверное. Прихожу в церковь — он уже там. Ухожу — он всё сидит.

— На него похоже.

Я грустно улыбнулась, глядя на след от графина на скатерти. Пять месяцев работы. У него могли набраться целые папки: наблюдения, пробы, исправленные планы. По другим заказам всё это сохранилось.

— А проблем с реставрацией у него не было? Может, вы что-нибудь слышали?

Дору нахмурился. Я ждала, стараясь не торопить его, хотя пальцы под столом уже снова тянули заусенец.

— Он сотворил чудо с этим образом!

У меня чуть не дёрнулся глаз.

— Просто отец всегда записывал каждое своё действие. А по этой работе почти ничего не осталось. Только листок с

датами начала и окончания.

— Может, затерялись? — Дору пожал плечами.

— Сомневаюсь. Он был очень педантичным. Я несколько раз перебрала бумаги.

Я вытащила руки из-под стола и положила их на колени. На пальце выступила крошечная капля крови.

— Подумайте, пожалуйста. Может, что-нибудь вспомните.

— Хорошо, Ноэми. — Дору похлопал меня по плечу, и я заставила себя отпустить эту тему. Пока он мог сказать только то, что помнил.

— А как идёт твоя реставрация? — Анка наклонилась вперёд, уперев ладони в край стола. — Уже добралась до копья?

— Пока нет.

Я покачала головой и потянулась к салфетке, чтобы промокнуть палец.

— Копья? — Дору посмотрел на сестру и засмеялся. — Совсем память растеряла.

— Это ты старый осёл. Копьё на образе Михаила!

— Не было у него копья. Был длинный меч, направленный вниз.

Я задержала салфетку в руке и посмотрела на них по очереди. Анка даже не улыбнулась в ответ.

Хорошо, что я не пью и принимаю витамины вовремя.

— Нет, копьё. Я помню, — повторила она, уже обращаясь

ко мне.

— А я видел этот образ каждый день. — Дору отодвинул тарелку. — Каждый день, Анка. Это был меч.

Она выпрямилась и скрестила руки на груди. Несколько минут назад они так дружно смеялись над моим первым глотком, а теперь каждый смотрел на другого с раздражением, будто тот намеренно говорил глупости.

— Ноэми, там было копьё.

— Я… пока не могу сказать. Ещё далеко от этого места.

Я сложила салфетку пополам, пряча пятнышко крови. Они оба ждали моего ответа, хотя я уже сказала всё, что могла. Под копотью оружие пока не читалось, и соглашаться с кем-то только ради окончания спора я не собиралась.

— Вот когда она закончит, тогда увидишь, — сказал Дору сестре.

— Увижу. И тебе покажу.

Я опустила взгляд к сумке. Разговор об отце закончился, толком не начавшись, а они уже снова спорили над моей головой. Хотелось вернуться в ризницу, закрыть дверь и немного побыть одной.

— Мне уже пора. Скоро начнёт темнеть.

Я поднялась со скамейки, поправляя куртку.

— Давай я тебя отвезу… — Дору тоже начал вставать.

— Нет!

Голос прозвучал выше, чем я рассчитывала. Я тут же улыбнулась, перехватила ремень сумки и вышла из-за стола.

— Спасибо, я прогуляюсь. И спасибо вам за гостеприимство.

Анка забрала мою тарелку. Дору остался стоять возле лавки, и я на секунду задержалась рядом с ним.

— Если что-нибудь вспомните об отце, я каждый день в ризнице. С семи утра до девяти вечера.

Солнце уже скрылось за горизонтом. В окнах горел свет, из домов доносились разговоры, над крышами поднимался печной дым. Я поднималась по дороге к костёлу, стараясь обходить самые глубокие колеи. Ботинки всё равно вязли в размокшей земле.

После шумных Дору и Анки голова буквально разваливалась на части. Их голоса ещё звучали в памяти: копьё, меч, опять копьё. Я остановилась на склоне, согнулась и упёрлась ладонями в колени.

— Как же болит…

Два глубоких вдоха и выдоха. Воздух холодил горло, но виски продолжало давить. Я сняла сумку с плеча, достала блистер и термос с остывшим утренним чаем. Таблетка на мгновение прилипла к языку; пришлось запить её ещё раз.

Присев на корточки, я положила дневник на колено. Записала, что ела и пила, время приёма таблетки и головную боль. На слове «хоринка» задержалась, потом дописала: «Один маленький глоток».

Убрав всё в сумку, я двинулась дальше. Вечер сгущался над деревней. Там, где дорога уходила в тень деревьев, уже

приходилось смотреть под ноги особенно внимательно.

Впереди качнулся свет фонарика. Я подняла голову, различая тёмную фигуру на тропинке.

— Ноэми!

Касиан ускорил шаг. Луч скользнул по траве и остановился на дороге возле моих ботинок.

— Рад, что застал вас.

Он улыбнулся, а я оглянулась на деревню. Костёл отсюда ещё не был виден.

— Как вы тут оказались?

— Вас не было ни в плебании, ни в ризнице. Уже темнеет, поэтому я решил пройти навстречу.

Я поправила ремень сумки. Пока шла одна, мне хотелось только добраться до дома. Теперь почему-то стало неловко от того, что он вышел меня искать.

— Вы хотели меня проводить?

— Лес здесь совсем рядом, Ноэми. — Он направил фонарик вперёд и пропустил меня на более сухую часть дороги. — Могут выйти волки или медведи.

Пожалуй, больше не буду возвращаться поздно. Я сглотнула и посмотрела на тёмные стволы у обочины.

— Я даже об этом не подумала.

Касиан пошёл рядом, подстраиваясь под мой шаг. Некоторое время слышалось только, как под подошвами хлюпает грязь.

— Как прошла встреча?

— Гостеприимно.

Я улыбнулась, вспомнив стопку, которую Дору наполнил до самых краёв.

— Узнали что-нибудь о работе отца?

— Не совсем. Дору помнит его, но о самой реставрации почти ничего не смог рассказать. Сказал, что отец мало разговаривал и всё время работал.

— Вот как… Мне жаль.

— Ничего. Это было давно. Может, он ещё что-нибудь вспомнит.

Касиан кивнул. Я тоже пыталась в это верить: Дору обещал подумать, и у него ещё было время. Но сейчас в голове упрямо оставался другой разговор, в котором каждый был уверен, что помнит всё совершенно точно.

Мы прошли несколько шагов в тишине. Я дождалась, когда тропинка стала шире, и повернулась к священнику.

— А вам отец Стефан не рассказывал, как выглядел образ Михаила до пожара?

Касиан задумался и покачал головой.

— Не припомню. Мы больше говорили о том, что с ним делать теперь. Честно скажу, Ноэми, отец Стефан не хотел его реставрировать.

Я остановилась. Касиан тоже замедлил шаг, опустив фонарик.

— Почему?

— Он считал, что в этом нет пастырского смысла.

Я посмотрела на него, ожидая продолжения. Сумка тянула плечо, и я перехватила её ремень другой рукой.

— Он часто повторял слова из «Плача Иеремии»: *«Почернело лицо их от сажи, не узнают их на улицах; кожа их прилипла к костям их, стала суха, как дерево».*

Касиан произнёс их негромко. Я вспомнила обугленную доску, приподнятые чешуйки краски и скрытое под ними лицо. Теперь, в темноте, оно представлялось яснее, чем днём перед станком.

— В семьдесят первом году вместе с алтарём здесь сгорело что-то гораздо более важное, Ноэми. Люди потеряли близких, дома. Перестали приходить на мессу. Для многих костёл стал местом, где Бог им не помог.

Мы снова двинулись вперёд. Касиан держал фонарик низко, освещая колеи, а свободную руку убрал в карман пальто.

— Отец Стефан говорил, что обгоревший Михаил стал зеркалом общины. На доске осталась копоть, в людях — страх и обида. Он верил: пока прихожане не очистят свои сердца от этой гари, прикасаться к образу скальпелем — значит лгать.

Я опустила глаза на дорожку. Виски всё ещё болели, и от каждого неровного шага хотелось зажмуриться.

— Бесполезно возвращать крылья ангелу, если паства разучилась летать, — добавил Касиан. — Так он говорил.

После смерти папы мой собственный мир тоже превратился в пепелище. Я ходила на работу, выполняла заказы, воз-

вращалась домой. В церкви не появлялась. Находила причины, переносила на следующее воскресенье — и снова не приходила.

— Наверное, в чём-то он был прав, — произнесла я. — Я могу очистить золото. Но не могу заставить человека увидеть в нём что-то, кроме того, что сгорело вокруг.

Касиан повернул ко мне голову. Я ещё несколько шагов смотрела под ноги, подбирая слова.

— Но ведь иногда бывает и наоборот, отец Касиан. Человеку тяжело первому очистить своё сердце в полной темноте. Нужно за что-то уцепиться взглядом.

За деревьями наконец показалась колокольня. Я задержала на ней взгляд и поправила сползавшую сумку.

— Мой отец верил, что реставрация — тоже своего рода служение. Мы возвращаем святыням их прежний облик ради людей, которые будут на них смотреть. Может быть, если прихожане увидят, что Михаил пережил огонь и его крылья снова различимы… им станет хотя бы немного легче.

Я посмотрела на Касиана.

— Если ждать, пока у всех пройдёт обида, образ так и останется под копотью.

Глава 4

18 октября 2000 года.

Утреннее солнце освещало поляну, над деревней ещё держался лёгкий туман. Пока я поднималась к церкви, дыхание выходило короткими облачками пара. Я глубже спрятала подбородок в ворот куртки и перехватила ремень сумки.

Двери костёла были открыты. Изнутри доносились негромкие голоса и шорох передвигаемых скамеек. До начала мессы оставалось совсем немного.

Я задержалась у входа. Последние дни я всеми силами избегала служб: приходила пораньше, уходила позже, оставалась в ризнице, пока за дверью звучали молитвы. Но сегодня был не такой день.

Закрыв глаза, я медленно выдохнула и вошла. Опустила кончики пальцев в холодную воду кропильницы, перекрестилась и прошла к последней скамье. Впереди сидело всего несколько человек. Никто не обернулся.

Сегодня на Касиане был красный орнат. Когда он повернулся от алтаря, золотая вышивка на груди ненадолго поймала свет свечей. Я поднялась вместе с остальными, придерживая ладонью край скамьи.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

— Аминь.

Касиан перекрестился и посмотрел на собравшихся.

— Господь с вами.

— И со духом твоим, — ответила я вместе с несколькими голосами впереди.

Его бархатистый голос отражался от каменных стен, заполняя почти пустой храм.

— Сегодня мы празднуем память святого Луки, евангелиста. Принесём Господу наши молитвы и вспомним тех, кому особенно необходима Его милость.

Лука.

Я знала, какой сегодня день, но всё равно опустила глаза.

Месса продолжалась. Я садилась и вставала вместе с прихожанами, стараясь слушать, но имя отца уже не выходило из головы. Во время чтения Евангелия Касиан чуть склонился над книгой.

— Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков.

Я подняла взгляд. Он читал дальше, а я почему-то ещё несколько секунд ждала продолжения именно этих слов.

После Евангелия мы сели. Касиан ненадолго замолчал, прежде чем начать проповедь.

— Предание изображает святого Луку живописцем. Но прежде всего он оставил нам свидетельство о Христе. В его Евангелии мы особенно часто встречаем людей, которых отвергли другие: больных, бедных, грешников. Для каждого из них находится место рядом с Господом.

Я слушала, сцепив руки на коленях. За боковой аркой оставалась «Пьета». Отсюда её было видно, но я помнила

ладонь Марии под затылком сына и его безвольно опущенные пальцы.

Позднее мы снова поднялись для общей молитвы. Прошения сменяли друг друга; прихожане отвечали негромко, почти в один голос. Я перебирала пальцами край рукава, вытягивая из шва короткую нитку.

— Помолимся также об умершем Луке, который трудился в нашем храме, восстанавливая образ Богоматери. Да простит Господь его грехи и примет его в Своё Царство.

Пальцы замерли.

Касиан не посмотрел на меня. Он оставался у амвона, и от этого происходящее вдруг стало ещё труднее вынести. Отец больше не был только моим воспоминанием. Здесь произнесли его имя. Здесь о нём помнили.

— Просим Тебя, услышь нас, — ответили впереди.

Я открыла рот, но смогла только беззвучно повторить последние слова. В горле уже стоял комок. Я сглотнула, надеясь, что он исчезнет, и крепче сжала руки.

Общая молитва закончилась. Прихожане садились на свои места, Касиан приступил к подготовке даров. Я взяла сумку и прошла вдоль стены к ризнице, не поднимая глаз.

Когда дверь кабинета закрылась, я прижалась к ней спиной. Сумка соскользнула с плеча и глухо ударилась о пол.

— Папа…

Слово застряло в горле. Я зажмурилась, но слёзы всё равно выступили из-под век. Хотелось сглотнуть, вдохнуть до

конца, хотя бы отойти от двери — ничего не получалось.

— Успокойся, Ноэми, — попыталась выговорить я.

Пальцы сжались в кулаки. Я почувствовала, как ногти давят на ладони, разжала руки и прижала их к прохладному дереву за спиной. Сердце билось всё быстрее. За дверью продолжалась служба; знакомый голос Касиана доходил сюда приглушённым, и я пыталась следить за ним, но слова теряли смысл.

Я выдохнула слишком резко и закашлялась.

— *Domine Iesu Christe…*

Первые слова прозвучали почти неслышно. Я открыла глаза и попыталась произнести следующую часть.

— *Fili Dei…*

Вдох получился коротким, неровным.

— *Miserere mei, peccatricis…*

Я повторяла эту молитву каждый раз, когда разум начинал паниковать и биться о стены. Делила её на короткие отрезки, произносила один, прежде чем перейти к следующему. Иногда слова оставались только словами. Сейчас мне нужно было хотя бы удержаться за них.

Domine Iesu Christe. Fili Dei. Miserere mei, peccatricis.[7]

Я повторила ещё раз, вытирая щёки рукавом. Дышать всё ещё было тяжело, но теперь я могла отойти от двери.

Окно оставалось закрытым. Я подошла к нему, неловко нащупала защёлку и распахнула форточку. В лицо пахнуло

[7] «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешницу»

холодным воздухом. Я наклонилась ближе, подставляя ему мокрые щёки.

Порыв ветра подхватил край лёгкой ткани, которой я вчера накрыла образ. Полотно скользнуло по раме и упало на пол. По щеке скатилась последняя слеза. Я сбросила куртку на стул и вытерла рукавом свитера мокрые щёки. Прикусив щёку изнутри, посмотрела на образ.

Отец бы сказал, что надо собраться и работать. *Наверное.*

Я подняла ткань с пола, сложила её и отнесла на стол. Сумку поставила рядом. Пока доставала инструменты, пальцы ещё плохо слушались: футляр с линзой выскользнул из руки, покатился по столешнице и остановился возле термоса.

— Соберись.

Я убрала волосы, надела лупу и придвинула лампу. Образ стоял на станке чуть отклонённым назад. В косом свете хорошо просматривался участок у нижнего края, над которым я работала последние дни: серо-голубое облако и часть светлой складки. Между ними ещё тянулась тёмная полоса спёкшегося покрытия.

Я сверилась с записями и осмотрела укреплённые места. Края чешуек оставались на месте. Можно было продолжать.

Первые движения давались тяжело. Приходилось отводить руку, ждать, пока она перестанет дрожать, и только потом снова приближать инструмент к доске. Я работала на маленьком участке, размягчая остатки покрытия и снимая их под увеличением. После каждого касания проверяла тампон,

меняла его, возвращалась к тому же месту.

Постепенно под тёмным слоем проступил изгиб облака. Тонкий белёсый мазок уходил в холодную синеву и почти терялся возле края складки. Я передвинула свет, чтобы рассмотреть переход, и впервые за утро смогла выдохнуть без усилия.

Здесь всё было понятно. Где остановиться, куда направить свет, что проверить перед следующим движением.

За дверью закончилась месса. Послышались шаги, скрип скамеек, чей-то кашель. Я прислушалась, но вскоре снова наклонилась к образу. Когда подняла голову в следующий раз, в храме уже было тихо.

Я записала результат и продолжила.

Сняла ещё немного потемневшего покрытия вдоль складки. Отступила, посмотрела без увеличения. Переход между расчищенным участком и чёрной коркой теперь казался слишком резким. Хотелось продвинуться чуть дальше, хотя бы до следующего изгиба.

Только здесь.

На столе постепенно скапливались использованные тампоны. Я переставляла лампу, меняла инструменты, возвращалась к доске. Однажды пришлось несколько раз перечитать собственную запись: я не помнила, успела ли отметить последний участок. Поставила рядом короткую черту и снова взяла скальпель.

Когда я наконец посмотрела на часы, было уже начало тре-

тьего.

Обед.

Контейнер лежал в сумке, рядом с дневником. Я даже потянулась к ней, но остановилась, заметив под лампой тонкую полоску покрытия, оставшуюся у края облака. Её можно было убрать сейчас и закончить участок целиком.

Я стянула перчатки и налила себе чай. Он давно остыл. Сделала несколько глотков, поставила крышку термоса на стол и вернулась к станку.

Поесть можно после.

Шея затекла, между лопатками тянуло. Я распрямилась, покрутила плечами и опять наклонилась. Край корки поддавался не так легко, как соседние участки. Я отложила скальпель, сменила тампон и подождала, следя за поверхностью через лупу.

Нужно было дать себе перерыв. Я знала это ещё до того, как рука снова потянулась к доске.

Но под остатками покрытия уже угадывалось продолжение белого мазка. Совсем рядом. Я могла его открыть.

Слёзы высохли, горло больше не сжималось. Мысль об отце возвращалась только тогда, когда я отступала от станка, поэтому я старалась не отступать.

Ещё немного.

Я подхватила пинцетом крошечный фрагмент размягчённой корки. Он отделился не полностью, и я торопливо поменяла инструменты в руках, не отрывая глаз от участка.

Подушечку пальца кольнуло.

— Ай.

Я замерла и отвела скальпель. На коже не было заметного пореза — только маленькая красная точка, как после укола в процедурном кабинете. Пока я смотрела на неё, точка налилась крошечной каплей.

Надо было сразу убрать руку.

Я повернула её, собираясь дотянуться до салфетки, но капля уже сорвалась с пальца.

И упала на образ.

— Нет, нет!

Я положила инструменты и отвела пораненную руку подальше от доски. Капля лежала на остатке потемневшего покрытия, совсем рядом с расчищенным участком.

Только бы не затекла в трещину.

Я взяла со стола впитывающую бумагу и осторожно поднесла её уголок к краю капли. Бумага сразу окрасилась красным. Я убрала её, взяла чистый кусочек и повторила движение, стараясь не коснуться поднятых краёв краски.

Палец снова защипало. Я отступила к столу, прижала к нему салфетку и несколько секунд стояла неподвижно, глядя на станок.

Всё утро проверяла каждый тампон. Следила за каждым движением. И сама же капнула кровью на образ.

— Отлично, Ноэми.

Я заклеила палец пластырем, надела свежие перчатки и

вернулась к доске. Придвинула лампу, посмотрела на участок через лупу. У края трещины ещё блестел крошечный влажный след. Я подхватила его новым уголком бумаги и снова проверила поверхность, изменив направление света.

Видимой красноты больше не осталось.

Я ещё некоторое время рассматривала это место, не решаясь отойти. Затем записала в блокнот, куда попала капля и что я сделала. Последнюю строчку пришлось перечеркнуть: почерк был почти неразборчивым.

Скальпель остался лежать на столе. Я закрыла флаконы, стянула перчатки и села на стул, тяжело откинувшись на спинку. Дверь в ризницу тихо приоткрылась. Скрипнули половицы, и я обернулась на стуле. На пороге стоял Касиан с небольшим подносом. Он задержал на мне взгляд, затем едва заметно улыбнулся.

— Не стоило, отец.

Я встала и подошла к нему. Над чашкой поднимался пар; рядом лежало несколько ломтиков свежего хлеба. От его запаха вдруг стало понятно, насколько я голодна.

— Я заметил, что вас сегодня не было на обеде во дворе.

Касиан протянул поднос. Я подхватила его снизу, и наши пальцы встретились под краем. Его кожа оказалась тёплой, чуть шероховатой. На указательном пальце виднелась тонкая царапина.

Он опустил взгляд к нашим рукам. Всего на секунду мы оба замерли, продолжая держать поднос. Я потянула его на

себя, разрывая прикосновение.

— Почему вы… — Касиан осёкся и повернулся к образу. — Не стоит пропускать обед, Ноэми. Даже если работа хорошо идёт.

Я поставила поднос на свободный край стола, подальше от инструментов.

— Сегодня я заработалась.

Обхватила чашку ладонями. Керамика была горячей, но убирать руки не хотелось.

— Сегодня день святого Луки, — негромко произнёс он.

Я провела большим пальцем по краю чашки.

— Вы молились о Луке.

Касиан повернулся ко мне. Я встретилась с ним взглядом, хотя ещё секунду назад собиралась просто поблагодарить за суп.

— Для этой деревни он просто реставратор, который когда-то уехал. Но для меня…

Пришлось остановиться и сглотнуть.

— Это первый праздник святого Луки, который я встречаю в полном одиночестве.

Чашка согревала пальцы. Я посмотрела на поднос, на хлеб, аккуратно накрытый салфеткой, и неловко усмехнулась.

— И этот суп, кажется, единственное хорошее, что случилось со мной за весь день.

— Его здесь помнят, Ноэми, — ответил Касиан.

Я опустила глаза. Слова о деревне прозвучали несправедливо: Дору ведь вспомнил имя отца раньше, чем я успела его произнести.

Касиан посмотрел на образ, затем снова на меня.

— Труд реставратора — это тоже молитва. Но сейчас отложите его ненадолго. Суп остынет.

В уголках его глаз собрались маленькие морщинки. Я сделала осторожный глоток. Горячий бульон согрел горло, и плечи понемногу начали расслабляться.

Он отошёл к станку, оставляя мне место у стола. Несколько секунд я смотрела ему в спину, собираясь с духом.

— Отец…

Касиан обернулся.

Я поставила чашку. Почему-то спросить об этом оказалось почти так же трудно, как заговорить об отце.

— Как топить печь?

Касиан присел перед печью в плебании. Я устроилась на стуле рядом, нервно покручивая край рукава. Пока мы шли от костёла, я почти убедила себя, что зря спросила. Теперь оставалось сидеть и смотреть, как он открывает дверцу.

— Ноэми, как вы здесь спали всё это время?

Он оглянулся на меня и слегка повёл плечами, будто только сейчас почувствовал, насколько в доме холодно.

Я поджала губы. Последние ночи приходилось ложиться в тёплых штанах и кофте, натягивать одеяло почти до носа,

а утром подолгу собираться с силами, прежде чем вылезти из-под него.

— Я подумала, что будет неловко спрашивать, как топить печь.

— Почему?

Касиан взял несколько тонких щепок. Я следила за его руками, стараясь запомнить, что он делает.

— Мне казалось, это должен уметь каждый.

Он негромко рассмеялся.

— Я впервые самостоятельно растопил печь в двадцать семь лет.

— Правда?

— До этого как-то обходился.

Он уложил бумагу и щепки, проверил тягу и зажёг спичку. Пламя пробежало по краю старой газеты. Касиан некоторое время наблюдал за ним, прежде чем продолжить.

— Я вырос в городе, Ноэми. Выучился на финансиста, работал в компании отца. До двадцати пяти лет посуду за мной почти всегда мыл кто-нибудь другой.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Простите, отец, но что-то не сходится.

— Что именно?

Он поднялся, отряхивая ладони. Чёрное прямое пальто, выглаженная рубашка, белая колоратка. Я вспомнила, как он сгребал листья между могилами, наклонившись над старой плитой, и как без всякого смущения искал, куда убрать кни-

ги со стула, когда приглашал меня на обед.

— Вы каждый день работаете в саду. Убираете кладбище, следите за церковью…

— Пришлось многому научиться.

Касиан придвинул второй стул, но прежде чем сесть, ещё раз показал мне, что нужно проверять перед растопкой. Я наклонилась ближе, стараясь ничего не упустить.

— И вот эту заслонку нельзя закрывать, пока угли полностью не прогорят, — добавил он. — Это важно.

Я кивнула.

— Я боялась угореть.

Он посмотрел на меня уже без улыбки.

— Тогда тем более стоило спросить. А мне — показать вам всё ещё в первый вечер.

Бумага постепенно оседала. Огонь добрался до щепок, и в печи затрещало. Я вытянула ноги к теплу, хотя пол под подошвами оставался холодным.

— А чем вы занимались до службы? — спросила я. — Кроме работы в компании отца.

Касиан сел рядом, положив ладони на колени.

— После компании я отправился в большое путешествие.

Последние слова он произнёс по-английски. Так свободно, что я не сразу поняла, отчего знакомая фраза вдруг прозвучала иначе.

— Вы сейчас…

Он повернулся ко мне и улыбнулся.

— Вы так удивились.

— Простите. Просто неожиданно.

Я почувствовала, как теплеют щёки, и отвела взгляд к печи.

— Вы путешествовали по США?

— Да. Именно там я встретил человека, который помог мне прийти к Богу.

Касиан поднялся и подошёл к печи. Некоторое время возился с дровами, а я ждала продолжения, уже забыв про рукав в своих пальцах.

— Как он вам помог?

Он прикрыл дверцу и задержался возле неё. Прежде чем ответить, провёл ладонью по колену пальто, стирая светлую полоску пыли.

— Он не читал мне проповедей, Ноэми.

Касиан снова перешёл на английский. Теперь я слушала внимательнее, замечая, как легко он подбирает слова.

— Мне было двадцать пять. Я прилетел в Бостон. До этого успел поработать, заработать деньги и окончательно перестать понимать, зачем каждое утро встаю с постели. Думал, если уеду достаточно далеко, что-нибудь изменится.

— И изменилось?

— Не сразу.

Он вернулся к стулу, но садиться не стал.

— Того человека звали отец Томас. Он служил в небольшом приходе на окраине города. Однажды я пришёл к нему

и спросил, зачем Богу все эти свечи, обряды и поклоны. Кажется, мне очень хотелось с кем-нибудь поспорить.

Я невольно улыбнулась.

— Что он ответил?

— *«Касиан, Богу не нужны наши свечи. Они нужны тебе. Чтобы в полной темноте ты видел, куда делать следующий шаг».*

В печи щёлкнуло полено. Я перевела взгляд на дверцу, за которой разгорался огонь.

— И этого оказалось достаточно?

— Одной красивой фразы? Нет.

Он усмехнулся и наконец сел.

— Но я пришёл снова. А потом ещё раз. Отец Томас разговаривал со мной, даже когда я был совершенно невыносим. Не требовал немедленно стать другим человеком. Со временем я начал понимать, что хочу вернуться не только в его приход.

Я повернулась к нему.

— Вы уже тогда решили стать священником?

— Нет. К этому я пришёл позже. И не по тому расписанию, которое когда-то составил для себя.

Он посмотрел на огонь.

— Я выбрал этот путь осознанно, Ноэми. Но прежде пришлось признать, что прежних планов мне больше недостаточно.

Я замолчала. Под ногами понемногу становилось теплее;

можно было перестать прятать ладони в рукавах. Я расправила пальцы и заметила, что снова цепляю ногтем край пластыря.

Касиан тоже молчал. После его рассказа почему-то стало труднее удерживать собственные слова.

— Знаете, отец… Последние месяцы вера даётся мне тяжело.

Он повернулся ко мне, и я тут же пожалела, что начала. Но остановиться теперь означало оставить самое важное невысказанным.

— После того как папа умер, мне кажется, что-то ушло вместе с ним. Я всё время пытаюсь понять, что именно. И иногда думаю… возможно, это была вера.

Касиан не ответил сразу. Я опустила глаза к своим рукам.

— Я прихожу на мессу и повторяю молитвы, которые он учил со мной в детстве. Пальцы сами крестятся перед Евангелием. Я знаю, когда вставать, когда опускаться на колени. Помню слова.

Я разгладила отклеившийся уголок пластыря.

— Но ничего не чувствую.

От печи уже шло тепло, а меня снова знобило. Хотелось натянуть рукава на ладони и сказать, что я просто устала.

— Сегодня я стояла перед образом и думала: а если под этой коркой ничего нет? Если я сниму всё, что ещё держится, и останется только обугленное дерево?

Я подняла на него глаза.

— Мне страшно, что со мной произошло то же самое.

Некоторое время слышался только огонь. Касиан смотрел на меня серьёзно, без той мягкой улыбки, к которой я успела привыкнуть.

— Вы читали Иоанна Креста?

Я покачала головой.

— У него есть образ тёмной ночи души. Он пишет о вере, которая больше не даёт человеку привычного утешения.

— И когда это проходит?

Вопрос вырвался быстрее, чем я успела его обдумать.

Касиан медленно выдохнул.

— Я не знаю, Ноэми.

Я посмотрела на него. Почему-то именно этого ответа не ожидала.

— И не стану говорить, что знаю, зачем вам выпало всё это пережить, — продолжил он. — Но отсутствие утешения ещё не означает, что вам больше не к кому обращаться.

Я снова опустила голову. Говорить оказалось гораздо легче, чем выдерживать после этого чужое внимание.

Рядом зашуршала ткань. Касиан поднялся и подошёл к моему стулу. Я заметила его руку раньше, чем подняла глаза: он положил ладонь на высокую деревянную спинку, возле моего плеча. До меня не дотронулся, но я всё равно замерла.

Пахло шерстью, остывшим ладаном и дымом, оставшимся на его пальцах после растопки.

— Лука оставил здесь свой свет, — негромко сказал он.

— А ты привезла сюда свой.

Я перестала теребить пластырь.

Он впервые сказал мне «ты». Не поправился, и я тоже ничего не сказала.

— Мне кажется, в этой работе ты ищешь не только краску, Ноэми. Ты ищешь то, что осталось от отца. Но здесь есть и твои руки, твои решения.

Я смотрела на его ладонь рядом со своим плечом.

— Я очень хотел бы, чтобы эта работа помогла тебе вернуть хоть что-нибудь из того, что ты потеряла.

VISIO I

Накинув толстую коричневую куртку, я открыла тяжёлую деревянную дверь и вышла из плебании. Солнце уже зашло за горизонт. Ветер шевелил листья у крыльца, забирался под воротник. Я поёжилась, обхватила себя руками и огляделась. Касиан сказал, что посадил мяту возле забора. Нужно было только сорвать несколько веточек и вернуться в дом.

Я сбежала со ступенек к ограде. Внизу уже почти ничего не было видно: кусты сливались с травой, приходилось раздвигать их руками и наклоняться ближе. Каждый шорох заставлял прислушиваться, хотя я сама же задевала сухие листья рукавом.

— Где же ты?

Я перебрала несколько веточек, растёрла лист между пальцами и поднесла руку к лицу. Пахло сырой зеленью. Мяту я бы узнала сразу.

Над головой громко каркнуло. Я резко выпрямилась, прижав руки к груди. Над домом пролетела ворона.

— Просто ворона, Ноэми… — Я выдохнула и опустила руки. Глупо было так пугаться птицы возле леса.

Я снова наклонилась к забору, раздвинула кусты чуть дальше. Ветка зацепилась за рукав; пришлось осторожно освободить ткань, прежде чем продолжить поиски. Мяты всё равно не было. Может, я не так поняла Касиана? Посмотре-

ла вдоль ограды, пытаясь вспомнить, куда именно он показывал.

Ворона вновь пролетела над крышей и каркнула.

— Да что с вами…

Я выбралась из зарослей, отряхивая руки. Листья зашелестели сильнее. Холод пробрался под куртку, и я двинулась к крыльцу. Но издалека донеслось ещё несколько криков, и я остановилась, вглядываясь в небо.

Впереди показалась чёрная туча. Она приближалась слишком быстро. Я прищурилась, пытаясь разглядеть её на фоне ещё светлой полосы над горизонтом. Ветер усиливался, вместе с ним нарастало карканье. Край тучи дрожал, распадался на мелкие чёрные точки и снова смыкался.

У меня перехватило дыхание.

Это были вороны.

Они летели прямо к дому одним большим облаком. Врезались друг в друга, сцеплялись, падали вниз. Я смотрела, как одна птица налетела на другую, как обе исчезли под крыльями остальных. Почему они не сворачивают?

Ноги задрожали. Я оглянулась на крыльцо. До двери было секунд десять бегом. Нужно было повернуться и побежать, но я снова посмотрела на стаю. Карканье давило на виски, заглушало собственное дыхание. Они были уже совсем близко.

— Сон… — Я с трудом разжала губы. — Это сон.

Слова ничего не изменили. Птицы продолжали прибли-

жаться. Я сорвалась с места, взбежала на ступеньки и схватилась за ручку. Дверь поддалась не сразу. Я толкнула её плечом, затем навалилась всем телом, чувствуя, как дерево давит на ладони. Оглянулась через плечо: на газон уже падали первые вороны. Некоторые так и не разжимали клювы, продолжая цепляться друг за друга в траве.

— Ну же…

Я надавила сильнее. Дверь открылась, и я проскользнула внутрь, тут же захлопнув её за собой. Несколько секунд держала ручку обеими руками, словно снаружи кто-то мог потянуть её на себя.

По крыше ударило. Следом — по стене, совсем рядом с дверью. Удары посыпались один за другим, глухие, тяжёлые. Они врезались в дом. Я отпустила ручку и сползла на пол, подтянув колени к груди.

— Сон… — прошептала я, уткнувшись в рукав.

Сбоку зазвенело стекло. Я вскинула голову и успела увидеть крылья в оконном проёме. Вороны налетали друг на друга уже внутри. Я зажмурилась, закрыла лицо руками. Совсем близко что-то ударилось о пол, заскребли когти. Хотелось отодвинуться, но за спиной была дверь. Я только сильнее прижала колени к себе.

Вдруг всё стихло.

Я не сразу убрала руки. Ждала следующего удара, хлопка крыльев, прикосновения к ногам. Потом осторожно открыла глаза.

Повсюду лежали тела ворон. Среди осколков у окна, возле стола, на полу передо мной. Ни одна не шевелилась. Я смотрела на ближайшую птицу, боясь даже выпрямить ноги. Её крыло лежало совсем рядом с носком моего ботинка.

Нужно встать.

Я медленно опустила ладонь на пол и перенесла на неё вес. Ворона напротив резко открыла глаза.

Я не успела отодвинуться — с громким криком она бросилась мне в лицо.

Глава 5

19 октября 2000 года.

Глаза слипались. Я отодвинулась от образа, осторожно отложила инструмент и опустила руки на колени. От долгого наклона затекла шея; пришлось несколько раз медленно повернуть голову, прежде чем подняться со стула.

— Нужен воздух.

За окном солнце скрылось за облаками. Я сняла перчатки, оставила их на столе и открыла форточку. Холодный воздух коснулся лица. Я наклонилась ближе, сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Этой ночью почти не удалось поспать. После кошмара я просыпалась ещё несколько раз, вся в поту, и подолгу лежала, прислушиваясь к дому. Что именно мне снилось, я не помнила. Пыталась вспомнить хоть что-нибудь, но в голове было пусто. Оставался только страх, с которым я просыпалась. Пришлось даже открыть окно в плебании, чтобы немного остудить комнату и успокоиться.

Недалеко от церкви показался Касиан. Он убирал листья, сгребая их с дорожки в небольшую кучу. Я задержалась у окна, наблюдая за его движениями. После вчерашнего разговора возле печи мы ещё не говорили: утром я проскочила в ризницу до мессы, а обедать осталась здесь. Вчера было так легко рассказать ему то, о чём я месяцами не могла заговорить ни с кем. Теперь даже думать об этом было неловко.

Касиан обернулся. Наши взгляды встретились, и он улыбнулся, помахав мне рукой. Я поджала губы, пытаясь улыбнуться в ответ, кивнула и поспешно отошла от окна.

— Да что с тобой?

Я прислонилась к стене рядом с образом. Перед глазами всё ещё стояла его ладонь на спинке моего стула, совсем близко к плечу. Я потёрла переносицу и заставила себя посмотреть на работу.

Несмотря на недосып, сегодня дело продвигалось быстрее, чем в прошлые дни. В нижней части образа уже хорошо читались облака: светлые мазки по краям, холодная синева в углублениях. Я могла проследить движение кисти там, где ещё недавно видела только потемневшую корку. Хотелось продолжить, соединить расчищенные участки. Но это была одна из самых лёгких частей. Выше, возле самой фигуры Михаила, придётся двигаться медленнее.

Наручные часы показывали пять вечера. Можно было поработать ещё пару часов. Я оттолкнулась от стены и снова выглянула в окно — осторожно, не приближаясь к нему вплотную. Касиана на дорожке уже не было.

Я вернулась к станку, но за инструментом не потянулась. Два таких кошмара за неполные две недели. Сегодня стоило закончить раньше и хотя бы попытаться выспаться. Завтра от меня будет больше пользы, если не придётся заставлять себя держать глаза открытыми.

— Один день, — произнесла я и кивнула, словно ещё нуж-

но было получить собственное разрешение.

Убрав инструменты и собрав сумку, я закрепила ткань на станке и вышла из ризницы. Возле алтаря стоял Касиан. Пожилая женщина держала его за руку и что-то тихо говорила. Отсюда слов было не разобрать, но выражение её лица заставило меня замедлиться. Она смотрела на него снизу вверх, не отпуская пальцев, а он чуть склонился к ней, чтобы расслышать.

Я отошла от двери и направилась к выходу вдоль стены, стараясь не мешать.

— Фато![8]

Хриплый женский голос разнёсся по пустому храму. Я остановилась и оглянулась между лавками. Кроме нас троих, здесь никого не было.

— Ноэми, подойди, пожалуйста, — позвал Касиан.

Я растерянно кивнула и пошла к ним, поправляя сумку на плече. На женщине были длинная шерстяная юбка, серый кардиган и галоши. Теперь Касиан поддерживал её под руку.

— Ноэми, это Дойна.

— Очень приятно, доамнэ [9]Дойна.

Я слегка склонила голову. Женщина отпустила Касиана и протянула ко мне руку. Я машинально подала свою, но её пальцы сомкнулись на рукаве моей куртки.

---

[8] «девушка», «дитя»; фамильярное, иногда ласковое обращение пожилой женщины к молодой.

[9] «госпожа» ; уважительное обращение к взрослой женщине.

— Фато… Наш отец Касиан очень радуется вашему приезду. Он молодой ещё. Всё о книгах да о стенах храма думает.

Пальцы сжались крепче. Я перестала улыбаться и посмотрела на её руку. Отдёрнуть свою показалось бы грубым, но стоять так становилось неудобно.

— Что вы имеете в виду?

Я перевела взгляд на Касиана, вопросительно приподняв брови. Он чуть склонил голову, но ничего не сказал. Дойна шагнула ближе и поманила меня свободной рукой, предлагая наклониться.

Я пригнулась. От её кардигана пахло влажной шерстью. Губы оказались совсем рядом с моим ухом, и я невольно напряглась, стараясь не отстраниться.

— Что охраняет воин, если его меч обгорел, а под доспехом гуляет ветер?

Она прошептала это почти без пауз и тут же отодвинулась.

Я выпрямилась, глядя на неё. Хотелось переспросить, но женщина уже разжала пальцы и отпустила мой рукав.

— Подумайте об этом.

Дойна коротко кивнула Касиану и направилась к выходу. Я осталась рядом с ним, машинально разглаживая ткань там, где её только что сжимали пальцы.

— Не принимай близко к сердцу всё, что бы она ни сказала.

Я обернулась к Касиану, вопросительно приподняв брови.

Он говорил спокойно, словно ничего необычного не произошло.

— Она загадала мне загадку, — тихо произнесла я, провожая женщину взглядом.

— Вот как. — Он улыбнулся. — Интересную?

Я повернулась к нему и задержала взгляд на его лице. Хотелось понять, услышал ли он хоть что-нибудь из сказанного. Касиан выждал несколько секунд, затем чуть приподнял брови, словно собирался переспросить.

— Кто видел образ до пожара? — выпалила я.

— Тебе нужен список?

Он всё ещё улыбался. Я не сразу нашлась что ответить.

Он решил, что я шучу?

— В целом да… — Я провела ладонью по шее и неловко улыбнулась в ответ. — Мне хотелось бы поговорить с ними.

— Я напишу тебе имена прихожан, которые жили здесь до пожара. Думаю, они будут рады ответить на твои вопросы.

— Спасибо, отец.

Вот так просто?

Я уже собиралась объяснять, зачем мне понадобилось расспрашивать людей об образе, но Касиан даже не поинтересовался причиной. Несколько секунд мы молчали. Я поправила сумку на плече, не зная, нужно ли добавить что-нибудь ещё.

— Скоро начнётся месса, — сказал он, слегка наклонив голову. — Останешься?

Я посмотрела на ряды скамей. После вчерашнего садиться туда снова не хотелось, а объяснять почему — тем более. Пальцы крепче сжали лямку сумки.

— Я лучше пойду в плебанию… Простите, отец.

Я покачала головой и поспешно развернулась к выходу. Нужно было попрощаться, пожелать ему хорошего вечера, но сейчас хотелось скорее оказаться снаружи.

— Ноэми! — позвал Касиан.

Я остановилась, так и не обернувшись. Плечи невольно напряглись.

— Хорошего вечера.

Я лишь кивнула и пошла дальше, стараясь не ускорять шаг. Уже возле двери поймала себя на том, что всё ещё сжимаю лямку сумки, и заставила пальцы разжаться.

Я вошла в дом, скинула сумку с плеча и прислонилась спиной к двери. Виски сдавливало с обеих сторон. Я закрыла глаза, помассировала их кончиками пальцев, но легче не стало. Давление только усиливалось.

Подобрав сумку, я прошла в комнату и опустилась на кровать, даже не сняв куртку. В плебании снова было прохладно. Нужно растопить печь, принести дрова, уложить щепки — Касиан ведь всё показал. Но сейчас даже подняться казалось слишком тяжело. Я вытянула ноги и посмотрела на часы. Шесть вечера. Время ужина и витаминов.

Несколько минут я лежала, уговаривая себя встать. Можно было закрыть глаза совсем ненадолго, но я знала, чем это

закончится: проснусь среди ночи, голодная, замёрзшая и с окончательно сбитым расписанием.

— Надо.

Я села, немного подождала, пока перестанет давить в затылке, и пошла на кухню. Достала из холодильника варёные яйца и картошку. На полках становилось всё свободнее: продукты, которые оставил Касиан, понемногу заканчивались. Скоро придётся идти на местный рынок. Я мысленно добавила это к делам на завтра и поставила тарелку на стол.

Ужин съела быстро, почти не отрывая взгляда от дневника. Приняла витамины, записала время и съеденное, а ниже добавила: «Разболелась голова». Отодвинула дневник и снова прижала пальцы к вискам. Давление никуда не делось. Хотелось лечь, но я боялась, что с этой болью всё равно не усну.

— Касиан, кажется, говорил, что посадил мяту…

Я повернулась к окну за спиной, пытаясь разглядеть кусты у забора.

— Может, поможет.

Накинув куртку, я вышла из плебании. Холодный воздух на несколько секунд принёс облегчение. Я спустилась к ограде и наклонилась над зарослями, раздвигая ветки. Растёрла между пальцами листок, поднесла руку к лицу. Пахло сырой зеленью. Я перешла чуть дальше, проверила соседний куст, затем вернулась к тому месту, с которого начала.

Когда я наконец посмотрела на часы, прошло уже полчаса.

Я выпрямилась, придерживаясь за забор. От долгого на-

клона голову сдавило ещё сильнее. Нужно было остановиться раньше, но каждый раз казалось, что мята окажется чуть дальше — стоит только раздвинуть ещё несколько веток.

— Странно. Может, я не так его поняла и она не здесь?

Отряхнув руки, я отошла от ограды и огляделась. Вокруг становилось темнее. Поднялся ветер, зашелестели листья на деревьях. Я подтянула воротник к шее и ещё раз посмотрела вдоль забора.

— Завтра надо у него спросить.

VISIO II

Я стояла на скалистом берегу. Впереди расстилался бескрайний океан. Тёмная вода почти сливалась с небом; только белые гребни волн позволяли различить, где проходил горизонт. Воздух был плотным и тяжёлым, пахло солью. Ветер усиливался, отбрасывая волосы назад, и мне приходилось щуриться, чтобы смотреть перед собой.

Я огляделась. По обе стороны возвышались огромные скалы. Позади между ними уходила зелёная тропа, но уже через несколько шагов её поглощала темнота. Я обернулась ещё раз, пытаясь вспомнить, откуда пришла, но не смогла представить даже первых шагов по этой тропинке.

Небо разорвал гром. Под подошвами дрогнул камень, и я невольно присела, выставив руки, чтобы удержать равновесие. Раскат прокатился между скалами. Я ждала, когда он стихнет, но грохот всё тянулся, отдаваясь в груди.

— Где я?

Ветер унёс слова. Тучи сгустились над океаном, закрывая последние просветы, и вода исчезла из виду. Я слышала, как она бьётся внизу, но больше не могла понять, далеко ли до неё.

— Сон…

Я медленно выдохнула. Небо озарила вспышка, выхватив из темноты край обрыва прямо перед моими ботинками. Я

дёрнулась назад. Камни под ногами осыпались; несколько мелких обломков скользнули вниз и исчезли. Я не услышала, как они коснулись воды.

Сжав руки в кулаки, я вдавила ногти в ладони.

— Проснись. Проснись.

Нужно было открыть глаза в своей комнате. Увидеть окно, шкаф, край одеяла. Я попыталась представить их как можно отчётливее, но вместо этого снова увидела скалы и чёрную воду. Ветер тянул куртку, холодил шею.

Молния ударила в соседнюю скалу. На мгновение всё стало белым, а затем совсем рядом оглушительно треснуло. Я зажмурилась и сильнее стиснула пальцы.

— Ну же…

Боль в ладонях была отчётливой. Я сосредоточилась на ней, подождала несколько секунд и приоткрыла глаза.

Ничего не изменилось.

Вода поднималась. Выступы у подножия скал, которые я различала раньше, уже скрылись под волнами. Пена забивалась в трещины, стекала по камню и тут же исчезала под следующим ударом. Я отступила, не отрывая взгляда от белой полосы внизу.

Гром прокатился над водой, и сквозь его рокот я услышала голос.

Numquid apertae sunt tibi portae mortis, et ostia tenebrosa vidisti?[10]

---

[10] «Отворялись ли для тебя врата смерти, и видел ли ты врата тьмы?»

Я резко обернулась, вглядываясь в темноту между скалами. На тропе никого не было. Новая волна ударила выше прежней, и до лица долетели холодные брызги.

Я закрыла глаза.

Сквозь веки пробилась ещё одна вспышка. Я втянула голову в плечи, ожидая грома, и вдруг почувствовала, как что-то невесомое коснулось щеки.

Разжав одну руку, я провела пальцами по коже. Приоткрыла глаза.

С неба падали большие светлые хлопья. Они опускались на камни, задерживались на рукавах. Сначала я приняла их за снег и подставила ладонь. Один хлопок лёг посередине, прямо на красный след от ногтя. Я коснулась его большим пальцем. Он рассыпался, оставив серую полосу.

Пепел.

Я подняла голову. Ветер всё ещё тянул волосы назад, а хлопья падали. Их становилось больше. Они цеплялись за ресницы, попадали на губы. Я провела по ним ладонью, почувствовала сухую горечь и только тогда заметила запах гари.

Я посмотрела на скалы и обернулась к тропе. Вокруг была только темнота, вода и пепел, который продолжал сыпаться на раскрытую ладонь.

Глава 6

21 октября.

Я подняла лампу выше и направила свет на лицо ангела. До этого почти всё моё внимание занимала нижняя часть образа. Теперь среди облаков уже различались складки одежды, но выше фигура по-прежнему терялась под потемневшим покрытием. Я несколько раз пыталась рассмотреть лицо с разных сторон. Угадывались только поворот головы и выступающий подбородок.

Я сверилась с отметками на схеме и наклонилась ближе. Возле щеки ещё оставались приподнятые края красочного слоя; этот участок предстояло укреплять. Ниже поверхность сохранилась лучше. Поправив лупу, я выбрала небольшой фрагмент вдоль подбородка.

Покрытие поддавалось неравномерно. Местами цвет проступал довольно быстро, но рядом оставались плотные тёмные наплывы, возле которых приходилось задерживаться. Я меняла тампоны, проверяла их под светом и снова возвращалась к доске. Постепенно показался тёплый оттенок кожи, затем мягкая тень под нижней губой.

Я отвела руку. По подбородку тянулась тонкая трещина, пересекавшая тень и уходившая выше, туда, где рот ещё скрывала корка. Проследив её под увеличением, я передвинула лампу. На другой стороне трещины краска держалась

ровно.

От долгого напряжения начало тянуть плечо. Я опустила руку, размяла пальцы и посмотрела на открывшийся участок. Хотелось увидеть губы целиком. Теперь, когда их расположение стало понятным, оставшееся покрытие особенно мешало: взгляд всё время цеплялся за него, пытаясь достроить выражение лица.

Я снова придвинулась к доске.

Первой показалась нижняя губа — светлая посередине, с едва заметным красноватым оттенком у края. Над ней постепенно обозначилась тёмная линия сомкнутого рта. Я сменила тампон и продолжила возле уголка, останавливаясь после каждого движения, чтобы рассмотреть поверхность. Здесь художник положил совсем немного тени. Под остатками покрытия она почти терялась, и я несколько раз меняла направление света, прежде чем решилась идти дальше.

Когда я наконец выпрямилась, поясницу болезненно потянуло. Я потёрла её свободной рукой и сняла лупу.

Среди потемневших участков теперь отчётливо выделялись подбородок и губы. Я задержала на них взгляд. Лицо ещё оставалось скрытым, но смотреть на него стало интереснее: хотелось понять, что выражал этот спокойный, сомкнутый рот. Я чуть склонила голову, затем снова надела лупу и потянулась к инструменту.

В стекло что-то ударило.

Я дёрнулась, отведя руку от образа. Маленький камушек

скользнул по наружному подоконнику и упал вниз. Несколько секунд я смотрела на окно, потом положила инструмент и подошла ближе.

Под окном стоял Касиан. Заметив меня, он поднял голову и улыбнулся. Я вопросительно приподняла брови. Он поманил меня рукой и указал в сторону сада.

Закрыв флаконы, я сняла перчатки и взяла куртку.

У выхода из костёла пришлось прищуриться от низкого солнца. Оно уже опускалось за холм, но ещё освещало верхние ветви деревьев. В саду становилось прохладно; я застегнула куртку и огляделась в поисках Касиана.

Он ждал возле дальнего дерева. Стоял ко мне спиной, опустив голову, и, кажется, что-то разглядывал в траве.

— Что случилось, отец?

Я подошла ближе, пытаясь заглянуть ему через плечо. Не успев ничего разглядеть Касиан наклонился и поднял маленького белого ягнёнка.

Я опешила и даже отступила на шаг. Ягнёнок заблеял, неловко дёрнув ножками. Касиан поудобнее перехватил его, поддерживая снизу, и повернулся ко мне.

— Агнец, Ноэми.

В его голубых глазах было столько мальчишеской радости, что я невольно улыбнулась. Ещё минуту назад я думала, что он позвал меня по какому-то срочному делу.

Я протянула руку и осторожно погладила ягнёнка между ушами. Шерсть оказалась мягкой, чуть влажной. Он повер-

нул голову к моей ладони, и я задержала пальцы на тёплой макушке.

— Как он здесь оказался?

— Видимо, отбился от отары, когда овец гнали вниз, — ответил Касиан. — Нашёл его возле ограды.

Он посмотрел на ягнёнка и усмехнулся.

— Приходской сад для него сейчас самое безопасное место. Животные чутки, Ноэми. Они идут туда, где надеются найти защиту.

Я оглянулась на деревья за оградой. Между стволами уже сгущалась тень.

— Надо отнести его обратно. Чей он? Его, наверняка, ищут.

Касиан слегка поджал губы. Ягнёнок притих у него на руках, прижавшись к чёрному шерстяному пальто. Только ухо время от времени вздрагивало под моими пальцами.

— В том-то и дело, что я не уверен. На склонах пасутся три разные отары. Сейчас все спешат перегнать овец ниже, до заморозков. Мог отстать от любой.

Он осторожно расправил завернувшееся ушко.

— По пастбищам в сумерках мы его хозяина вряд ли найдём. Пусть пока побудет при храме. Завтра Дору приедет к сестре, я попрошу его поспрашивать. Он знает всех местных пастухов.

Я кивнула, хотя всё ещё поглядывала на тропинку. Почему-то казалось, что сейчас оттуда кто-нибудь появится и по-

зовёт пропавшее животное.

Ягнёнок ткнулся носом в пальто Касиана. Отвернулся, снова потянулся к складке ткани, перебирая губами. Я убрала руку, чтобы не мешать ему, и посмотрела на священника.

— А как его кормить? Он ведь совсем маленький.

Касиан замер. Сначала посмотрел на ягнёнка, затем на меня. Я ждала ответа, но он лишь поправил край пальто, который тот пытался поймать ртом.

— Ты права, — произнёс он наконец. — Финансистам не преподают правила ухода за скотом.

Он негромко рассмеялся. Я улыбнулась, вспомнив его рассказ возле печи. До двадцати пяти лет посуду за ним мыл кто-то другой. Теперь он стоял посреди приходского сада с голодным ягнёнком на руках.

— Но молоко у меня есть, — продолжил Касиан. — Вчера принесли целую банку. Только сначала нужно узнать, подойдёт ли ему коровье и чем его поить. Позвоню в деревню. Кто-нибудь из прихожан наверняка выкармливал ягнят.

Я снова погладила маленькую голову. Ягнёнок потянулся за рукой, и мне пришлось задержаться, пока он обнюхивал пальцы.

Касиан посмотрел на нас и улыбнулся.

— Пойдём, Ноэми. Нам предстоит побыть сегодня немного фермерами.

Он направился к костёлу. Я пошла рядом, всё ещё держа ладонь на белой шерсти.

Касиан грел молоко у газовой горелки на втором этаже церкви. Солнце уже село, и сквозь витражи проникал лишь свет фонарей из сада.

Ягнёнок сидел у меня на руках, всем телом прижавшись к куртке. Я осторожно поглаживала его по голове.

— Кажется, он засыпает, — произнесла я почти шёпотом.

Касиан выключил газ и обернулся к нам.

— Устал. Слишком много приключений для одного дня.

Он улыбнулся, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и вынул из воротника белую пластинку колоратки. Аккуратно положил её на стол, затем начал закатывать рукава.

Без белой полоски у горла Касиан выглядел совсем иначе. Черная рубашка уже не казалась облачением, а передо мной стоял просто мужчина: высокий, с каштановыми завитками и ярко-голубыми глазами.

Я слишком долго смотрела на его руки.

— Ноэми.

От его голоса мысли оборвались. Я поспешно опустила взгляд на ягнёнка. Пальцы задрожали, и пришлось спрятать их в мягкой шерсти, крепче обхватив его обеими руками.

— Молоку нужно немного остыть, — добавил Касиан.

Он подошёл и сел напротив, слегка наклонившись вперёд.

— У вас есть домашние животные?

Вопрос застал меня врасплох. Я подняла на него глаза. По улыбке Касиана стало понятно, что моё замешательство он заметил.

— Нет, отец.

Разговоры вне работы всегда давались мне сложнее. Пока речь шла о пигментах, растворителях или повреждённом грунте, я знала, что сказать. Обычные вопросы почему-то требовали гораздо больше усилий.

— У отца дома всегда было много документов и заказов, — продолжила я после небольшой паузы. — Поэтому животных мы не держали.

— А вы хотели?

Касиан чуть склонил голову.

Я сглотнула. Пальцы снова принялись гладить ягнёнка по спине.

— Мне нравятся вомбаты, — призналась едва слышно.

— Вомбаты?

Он широко улыбнулся.

— Я знаю, что они дикие, — поспешно добавила я, тоже невольно улыбнувшись. — Мне было шесть, когда я впервые увидела вомбата в зоопарке. Потом лет до десяти умоляла папу купить мне такого же. Конечно, ничего не вышло. Поэтому отец рисовал вомбатов на обложках всех моих тетрадей. Однажды даже сделал мне футболку.

Касиан тихо рассмеялся. Уголки его глаз тронули лёгкие морщинки, и я поспешно отвела взгляд.

— Значит, с меня шляпа, а с тебя — футболка, Ноэми.

На лице непроизвольно расплылась улыбка.

— А у вас были животные, отец?

Касиан кивнул.

— В детстве у нас жил кот. Рыжий, с белой полосой на морде. Его звали…

— Только не говорите, что Лео.

Мы оба рассмеялись.

— Именно.

Касиан перевёл взгляд на ягнёнка, затем снова посмотрел на меня. На несколько секунд наши глаза встретились. В полутёмной комнате его радужки казались особенно яркими — спокойными, голубыми, как море после дождя.

Улыбка медленно исчезла с его лица. Он слегка поджал губы, отвёл взгляд и слишком поспешно поднялся.

— Молоко наверняка уже остыло.

Я опустила голову. Сердце застучало громче, к щекам прилил жар. Пока Касиан отходил к плите, пальцы безостановочно скользили по шерсти ягнёнка.

В комнате воцарилась тишина.

Сначала ягнёнок отворачивался и упрямо сжимал пасть. Я пыталась напоить его из маленького шприца без иглы, но молоко стекало по морде и капало на мою кофту.

Касиан осторожно забрал ягнёнка у меня и устроил у себя на руках. Тот повозился, ткнулся носом в его рубашку, а потом всё-таки принял шприц и начал пить.

Я наблюдала, как Касиан придерживает его ладонью, медленно поглаживая большим пальцем по голове. Без колоратки, с закатанными рукавами и ягнёнком на руках он совсем

не походил на священника. Скорее на человека, рядом с которым слишком легко было представить обычную жизнь.

Я отвернулась к окну прежде, чем эта мысль успела оформиться до конца.

За стеклом было уже совсем темно.

— Думаю, мне пора.

Голос слегка дрогнул.

Касиан поднял голову, посмотрел на окно и тяжело выдохнул.

— Ноэми, уже очень поздно. Прости, что задержал тебя.

— Ничего страшного.

Я поднялась и принялась натягивать рукава куртки, старательно избегая его взгляда.

— Послушай…

Я остановилась.

— Я не могу отпустить тебя одну в такой час. Здесь лес. А ягнёнок слишком слаб, чтобы оставлять его без присмотра или нести по холоду до плебании.

— Ничего, я дойду.

— Нет.

Он произнёс это неожиданно твёрдо, а потом, словно испугавшись собственной резкости, заговорил мягче:

— Ты можешь переночевать здесь.

Я перестала натягивать рукав.

Несколько секунд было слышно только, как ягнёнок возится у него на руках. Остаться на ночь рядом с Касианом —

пусть даже в разных комнатах казалось неправильным уже потому, что первой моей реакцией было не отказаться.

— Здесь, на диване, — поспешно пояснил он. — Я останусь с ягнёнком в соседней комнате. Дверь можно закрыть.

— Я…

За окном лежала сплошная темнота. Где-то за костёлом начинался лес, о котором Касиан уже предупреждал. Но дело было не только в волках, и от этой мысли к лицу снова прилил жар.

— Ноэми?

— Да.

Я сглотнула и опустила глаза.

Касиан едва заметно выдохнул.

— Хорошо. И прости за доставленные неудобства.

— Что вы… Какие неудобства?

Он замялся, будто теперь и сам не понимал, что делать дальше.

— Может быть, чай?

Я посмотрела на него и не удержалась от улыбки.

— Чай.

Касиан устроил ягнёнка в небольшой коробке, постелив на дно тёплое одеяло. Тот сразу свернулся в углу и уткнулся носом в складку ткани.

Пока Касиан снова зажигал горелку, я сняла куртку и положила её на спинку стула. Витражи перед нами превратились в тёмные стёкла, отражавшие комнату: тёплый свет, ко-

робку с ягнёнком и нас двоих, оставшихся здесь на ночь.

— Твой чай, Ноэми.

Касиан поставил передо мной кружку. Я благодарно кивнула и сразу обхватила её обеими ладонями. Керамика обожгла замёрзшие пальцы, но отпускать её не хотелось.

— Она же горячая, — заметил Касиан, усаживаясь напротив.

Я пожала плечами и спрятала улыбку за краем кружки.

— Отец… — начала я, слегка прикусив губу. — Вы говорили, что посадили возле плебании мяту.

Касиан вопросительно поднял брови.

— Мяту?

— Да. Я пыталась её найти, но возле забора ничего не было.

Он задумался, подняв глаза к потолку, а затем медленно покачал головой.

— Не помню, чтобы говорил тебе такое. И мяту я там не сажал.

Пальцы замерли на кружке.

Я не помнила самого разговора. Не могла вспомнить ни где мы находились, ни когда он успел сказать мне о мяте. Но почему-то была настолько уверена, что она растёт возле забора, что провела там почти полчаса, перебирая кусты руками.

— Простите, отец. Наверное, мне показалось.

Я сделала глоток, хотя чай всё ещё был слишком горячим.

Касиан несколько секунд смотрел на меня, словно хотел что-то спросить, но не стал.

Допив чай, он ушёл проверить, заперты ли двери внизу. Я осталась одна с ягнёнком. Тот спал в коробке, изредка вздрагивая во сне и перебирая тонкими копытцами.

Я достала из сумки дневник и витамины. Отметила время приёма, затем немного помедлила и записала: *ужина не было*.

Пропускать еду не стоило. Особенно после бессонной ночи и целого дня в ризнице. Но признаться Касиану, что я не ела, почему-то казалось ещё хуже. Он наверняка начал бы искать продукты, что-нибудь разогревать, беспокоиться. Сегодня он и без того сделал для меня слишком много.

Я убрала дневник прежде, чем он вернулся.

Касиан принёс подушку и ещё одно одеяло. Несколько раз встряхнул его и расстелил на диване, старательно разглаживая складки ладонью.

— Здесь должно быть тепло, — сказал он. — Если замёрзнешь, позови меня.

— Не замёрзну. Спасибо, отец.

Сам он собирался спать в соседней комнате. Та больше напоминала кладовую с окном: вдоль стен стояли коробки, старые подсвечники и свёрнутые алтарные ткани. Касиан уверял, что среди всего этого помещается раскладушка.

Я ничего не ответила, только снова подцепила ногтем заусенец. Кожа поддалась, и на пальце выступила кровь.

Ягнёнка Касиан забрал с собой — ночью его следовало ещё раз покормить. Перед тем как закрыть дверь, он остановился.

— Спокойной ночи, Ноэми.

— Спокойной ночи, отец.

Дверь осталась приоткрытой.

Я села на диван и огляделась. За эти дни плебания успела стать почти своей: я уже знала, какая половица скрипнет под ногой, как стучат трубы и в какое время солнечный свет появляется на стене спальни. Здесь всё было чужим.

Сняв ботинки, я легла на бок и подтянула одеяло к подбородку. От чистой ткани всё равно едва уловимо пахло ладаном и воском.

За стеной тихо завозился ягнёнок. Послышались шаги Касиана, скрип раскладушки, а затем его негромкий голос. Он произносил вечернюю молитву медленно, почти шёпотом. Слов я не разбирала — лишь ровный ритм и редкие паузы между фразами.

Я закрыла глаза и стала следить за его голосом, как за дыханием.

Вскоре он начал удаляться.

И я провалилась в сон.

VISIO III

Я резко проснулась, судорожно хватая ртом воздух. Сердце колотилось, на лбу выступил холодный пот.

— Опять… — прошептала я.

От сна ничего не осталось. Ни лиц, ни голосов, ни единого образа — только беспричинный ужас, от которого всё тело напряглось, а пальцы вцепились в одеяло.

Кошмары приходили всё чаще. Может быть, из-за того, что я сегодня не поужинала. Или просто устала.

Я приподнялась на диване и огляделась. Несколько секунд понадобилось, чтобы вспомнить: я не в плебании. Я осталась ночевать в костёле, потому что возвращаться одной было слишком поздно.

Лунный свет проникал сквозь витражи, оставляя на полу вытянутые цветные пятна. Одно из них напоминало человеческую фигуру.

Я отвернулась.

Ступни коснулись холодного пола. Поставив локти на колени, я наклонилась вперёд и медленно выдохнула, пытаясь успокоить сердце. Оно всё ещё билось слишком быстро.

Я надела ботинки и поднялась с дивана. За стеной было тихо. Дверь комнаты, в которой устроился Касиан, осталась приоткрытой.

Я остановилась перед ней.

Стоило вернуться на диван. Если он не проснулся от моего резкого вдоха, то сейчас я точно могла его разбудить. Но вместо этого осторожно приблизилась и заглянула внутрь.

Касиан спал на раскладушке. Во сне его лицо казалось непривычно спокойным. Кудри у висков растрепались, а длинные ресницы отбрасывали на щёки тонкие тени. Возле него в коробке, уткнувшись мордой в одеяло, спал ягнёнок.

Я задержалась на несколько секунд дольше, чем следовало.

Хватит, Ноэми. Это уже слишком.

Осторожно взявшись за дверную ручку, я медленно прикрыла дверь, придерживая её до самого конца, чтобы не разбудить ни Касиана, ни ягнёнка.

Снизу донёсся тихий металлический звон.

Я замерла, не убирая руки с дверной ручки. Звук был коротким, похожим на падение скальпеля. Через несколько секунд он повторился.

Я посмотрела на закрытую дверь комнаты. Стоило разбудить Касиана. Сказать, что внизу кто-то есть. Вместо этого ноги сами понесли меня к лестнице.

Не помню, как открыла дверь, отделявшую жилой этаж от костёла. Только что передо мной была тёмная комната, а теперь под подошвами уже холодели каменные ступени.

Внизу горела красная лампада. Кроме неё, храм освещала лишь луна. Цветные полосы от витражей пересекали проход и поднимались на скамьи, словно длинные пальцы.

Металлический звук раздался снова — теперь из-за алтаря.

Из ризницы.

Я спустилась с последней ступени и пошла к двери.

Открыв тяжёлую деревянную дверь, я осторожно заглянула внутрь. Половина ризницы утопала во мраке. Только свет фонаря из сада проникал через окно и падал на образ.

Я придержала дверь, чтобы она не скрипнула, и осмотрела пол. Ничего. Ни упавшего инструмента, ни металлического блеска между половицами.

Подойдя к станку, я внимательно оглядела доску. Всё оставалось на своих местах — именно так, как я оставила перед тем, как Касиан позвал меня в сад.

Свет из окна ложился на расчищенный участок лица. На губы.

Я задержала на них взгляд. В ночном полумраке они казались почти живыми. Тонкие переходы цвета, тень между сомкнутыми губами, едва заметный изгиб верхней. Огонь уничтожил почти весь лик, но почему-то не сумел поглотить их красоту.

За спиной скрипнула половица. Я резко обернулась, но в тот же миг окно распахнулось. Холодный воздух ворвался в комнату, поднял лежавшие на столе листы и подхватил мои волосы.

Я повернулась к образу — и почувствовала, что за спиной кто-то стоит.

Мурашки мгновенно пробежали по телу. Я застыла, не решаясь ни обернуться, ни сделать шаг. Половица снова протяжно скрипнула.

Потом ещё одна.

Кто-то приближался.

— Ты…

Мужской голос прозвучал совсем близко. Низкий и спокойный. От него почему-то хотелось не убегать, а прислушаться.

Я сжала пальцы.

— Кто вы? Что вы делаете в ризнице?

Голос дрожал. Я всё ещё стояла к нему спиной.

Шаги приблизились и внезапно стихли.

— Я тебя видел.

Спиной я почувствовала исходящий от него холод. По тому, откуда доносился голос, мужчина был значительно выше меня. Он наклонился. Холодное дыхание коснулось затылка.

— Вам нужно уйти.

Незнакомец тихо усмехнулся.

— Я только пришёл.

Последние слова прозвучали уже возле самого уха.

Сердце билось так сильно, что становилось больно, но тело не слушалось. Я не могла ни отступить, ни заставить себя повернуться.

— Я знаю твоё имя.

Я сглотнула.

— Я…

— Не бойся меня.

Он придвинулся ещё ближе. Я сжала кулаки так сильно, что ногти должны были впиться в ладони, но боли не почувствовала.

Взгляд заметался по комнате.

Сон.

Это опять был сон.

— Это не по-настоящему, — выговорила я сквозь стиснутые зубы. — Тебя здесь нет.

Мужчина снова усмехнулся.

— *Somnium*… Сон…

От его шёпота по шее прошёл холод.

— Но разве во сне ты не чувствуешь его так же остро, как наяву?

Воздух вокруг нас стал плотным и неподвижным. Незнакомец не касался меня, но его близость лишала возможности сделать даже короткий вдох.

— В Писании сказано: во сне, в ночном видении, когда глубокий сон находит на людей, Он открывает у человека ухо…

В его голосе появилась едва уловимая усмешка.

— Но кто сказал тебе, что всякий голос во сне принадлежит Богу?

Меня передёрнуло.

— Ноэми.

Я не называла ему своего имени.

Попыталась вспомнить хотя бы одну молитву, но в голове звучал только его голос.

Я смотрела на образ перед собой. Свет лежал на расчищенных губах, и тень между ними казалась глубже, чем несколько минут назад.

— Ты сама пришла в мою комнату. Подошла ко мне и так долго смотрела на мои губы в темноте… А теперь упрямо твердишь, что меня здесь нет.

Его дыхание скользнуло по моей шее.

— Не бойся. Разве может причинить тебе боль тот, у кого пока есть только губы?

— Что всё это значит?

Ногти впились в ладони, но боли по-прежнему я не чувствовала.

— Мы просто разговариваем… Не бойся, — прошептал он мне на ухо.

Я сглотнула и зажмурилась.

— Я не боюсь.

Он тихо усмехнулся.

— Ты вся дрожишь.

Я замотала головой.

Сон. Сон. Сон.

Сделала один глубокий вдох, но воздух остановился где-то в горле. Я зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли багровые пятна. Невидимые руки сдавили шею, не

позволяя ни вдохнуть до конца, ни закричать.

И тогда я заговорила.

Сначала это был лишь беззвучный, рваный шёпот. Онемевшие губы с трудом складывались в слова. Пальцы сжались в кулаки ещё сильнее

Я начала читать единственную молитву, способную вернуть мне власть над собственным телом в этой мёртвой тишине:

— *Lava quod est sordidum…*

Хрип вырвался из груди.

— *Riga quod est aridum… sana quod est saucium.*

Омой осквернённое, ороси иссохшее, исцели израненное.

Я повторяла строки на каждом коротком вдохе, подстраивая их под бешеный ритм сердца.

— Lava quod est sordidum…[11] — снова произнесла я, теперь громче. — *Riga quod est aridum, sana quod est saucium.*

Слова всё ещё дрожали, но больше не рассыпались. Я вцепилась в них, как в натянутую над пропастью верёвку, и начала сначала:

— *Lava quod est sordidum…*

Мужчина за моей спиной тихо, почти разочарованно вздохнул.

Давивший между лопаток холод на мгновение отступил. Я жадно втянула воздух, решив, что молитва заставила его отойти.

---

[11] Строки из латинский секвенции

Но его губы коснулись самого моего уха.

Я дёрнулась, однако тело снова отказалось повиноваться.

— Insanabilis fractura tua, pessima plaga tua…[12] — произнёс он на безупречной латыни.

Красивый голос больше не успокаивал. Каждое слово отдавалось внутри тяжёлым ударом колокола.

— Non est qui iudicet iudicium tuum, ad alligandam curationem tuam; utilitas non est tibi.[13]

Неисцелим перелом твой, тяжела рана твоя… Некому рассудить дело твоё и перевязать рану; исцеления для тебя нет.

Я попыталась продолжить молитву, но губы больше не слушались. Латинские строки исчезли из памяти, словно он вырвал их одну за другой.

Мертвенно-холодное дыхание скользнуло по моей шее.

— Ты молишься об исцелении, Ноэми, — прошептал он. — Но твоя рана — это я.

Пальцы судорожно сжались.

— И мы только начали.

Я попыталась закричать, но из сдавленного горла вырвался лишь хрип.

---

[12] Книга пророка Иеремии 30:12–13: «Неисцелим перелом твой, тяжела рана твоя». Он обрывает цитату перед обещанием Господа в стихе 17: «Я восстановлю здоровье твоё и исцелю тебя от ран твоих».

[13] Книга пророка Иеремии 30:12–13: «Неисцелим перелом твой, тяжела рана твоя». Он обрывает цитату перед обещанием Господа в стихе 17: «Я восстановлю здоровье твоё и исцелю тебя от ран твоих».

Раз.
Воздуха не хватало.
Два.
Комната начала расплываться.
Три.

Глава 7

22 октября. 3:20

Я резко открыла глаза и рывком села на диване, судорожно хватая ртом холодный воздух. Сердце билось о рёбра, на лбу выступил ледяной пот.

— Ноэми!

Касиан выскочил из соседней комнаты и в несколько шагов оказался рядом. Опустился перед диваном на колени.

— Ты кричала.

Я попыталась вдохнуть, но воздух застрял в горле. Перед глазами всё плыло. Руки дрожали так сильно, что я не могла удержать их на месте. Я запустила пальцы в волосы и сжала их у самых корней, стараясь понять, где нахожусь.

Что произошло?

Я была в ризнице.

Или мне это приснилось?

Холодное дыхание всё ещё ощущалось на шее.

— Ноэми, посмотри на меня.

Голос Касиана пробился сквозь шум в голове. Я закрыла уши ладонями, пытаясь заглушить его вместе со всем остальным.

— Это я.

Его тёплые руки легли мне на плечи. Я вздрогнула всем телом.

Я не сплю?

— Слушай только мой голос.

Голос… Нет. Там был другой.

— Это я, отец Касиан. Ты в костёле. Со мной.

Касиан?

Я заставила себя посмотреть на него. В полумраке с трудом различалось лицо, растрёпанные волосы. Голубые глаза внимательно следили за каждым моим вдохом.

— Не пытайся вдохнуть глубоко, — медленно произнёс он. — Просто вдохни. Совсем немного.

Я закрыла глаза, цепляясь за его голос.

Короткий вдох.

Воздух снова почти застрял в груди, но на этот раз прошёл дальше.

— Хорошо. Теперь медленно выдохни.

Выдох.

— Ещё раз, Ноэми. Не торопись. Я рядом.

Вдох.

Его ладони были тёплыми. Не ледяными.

Выдох.

Шум в ушах начал стихать. Комната перестала раскачиваться, а тёмные пятна перед глазами медленно отступили.

— Вот так, — тихо произнёс Касиан. — Слушай только меня.

Я медленно разжала пальцы. На ладонях темнели четыре глубоких полумесяца. Крови не было, но кожа горела имен-

но там, где во сне ногти впивались в неё.

Глава 8

22 октября 3:30

Касиан сидел напротив меня за столом. На руках у него устроился проснувшийся ягнёнок. Кажется, ему нравилось человеческое тепло: он прижимался к чёрной рубашке и даже не пытался выбраться.

Я обхватила ладонями чашку с водой и неотрывно смотрела на неё.

Сон был слишком настоящим. Я помнила голос неизвестного мужчины, каждое произнесённое им слово, холод его дыхания на своей шее.

По затылку пробежали мурашки. Я невольно дёрнулась.

— Ноэми.

Вода в чашке дрогнула. Я подняла глаза на Касиана. Он слегка нахмурился, продолжая медленно поглаживать ягнёнка между ушами.

— Ты можешь рассказать мне, что тебе приснилось. Иногда становится легче, если произнести это вслух.

Я прикусила губу. Рассказывать о незнакомце, шептавшем мне на ухо в тёмной ризнице, казалось нелепым. А признаться, что во сне у него были губы с образа, — ещё хуже.

Вдруг Касиан решит, что работа уже начала сводить меня с ума?

— Просто кошмар, — произнесла я, поёрзав на стуле. —

Я почти ничего не помню.

Касиан несколько секунд смотрел на меня, но расспрашивать не стал. Только опустил взгляд и провёл большим пальцем по белой шерсти ягнёнка.

— Мне тоже иногда снятся плохие сны.

Я невольно выпрямилась.

— Что вам снится, отец?

Уголок его рта дрогнул, но улыбка быстро исчезла. Касиан посмотрел в сторону тёмных витражей.

— Наш костёл. Я стою у алтаря в праздничном облачении, а неф полон людей. Все смотрят на меня и ждут начала Мессы. Я открываю рот, произношу приветствие… но не слышу собственного голоса.

Он замолчал.

— Под сводами стоит такая тишина, что начинает звенеть в ушах. А потом лица прихожан темнеют. Сначала у женщины в первом ряду, затем у мужчины возле прохода. Кожа покрывается сажей, трескается… Они рассыпаются прямо на лавках, один за другим.

Пальцы Касиана замерли в шерсти ягнёнка.

— Я пытаюсь сойти с алтаря, но не могу. Ноги будто приросли к камню. Остаётся только смотреть, как костёл пустеет.

Он поднял глаза. Тёплый свет лампы отражался в их голубизне.

— Потом я просыпаюсь. Сердце колотится, горло пересы-

хает. Знаешь, что я делаю?

Я покачала головой.

— Зажигаю спичку.

Его взгляд скользнул к коробку, лежавшему возле горелки.

— Просто смотрю, как горит огонь. Иногда этого хватает, чтобы вспомнить: темнота — не отдельная сила. Всего лишь место, до которого ещё не добрался свет.

Я провела большим пальцем по краю чашки.

— И больше не страшно?

Касиан помедлил. Ягнёнок толкнулся мордой ему под ладонь, требуя, чтобы его продолжали гладить.

— Иногда приходится зажечь ещё одну.

Я снова посмотрела в чашку. В её тёмной поверхности колебалось отражение лампы.

Маленькое пламя среди темноты.

Только холод на моей шее всё ещё не исчезал.

Глава 9

22 октября, 7:40 утра.

Перед дверью в ризницу я остановилась, сжимая ручку сумки. За спиной Касиан готовился к утренней мессе. Входили немногочисленные прихожане, скрипели скамьи, кто-то негромко кашлянул.

— Сон. Просто сон, — повторила я шёпотом.

Нажав на ручку, быстро шагнула внутрь и закрыла дверь, прислонившись к ней спиной.

Ризница была пуста. За окном серело небо. Инструменты лежали на своих местах, возле стола стоял мой стул. Я медленно оглядела комнату и задержала взгляд на ненакрытом образе.

Сумка соскользнула с плеча. Оставив её у двери, я подошла к станку.

Если бы я обернулась, то увидела бы того мужчину целиком? Почему он приснился именно здесь? Я могла представить его где угодно, но во сне снова оказалась возле этой доски.

Взгляд опустился к расчищенным губам. Я прикусила щёку изнутри и отступила к столу.

Устала. Перенервничала. Всю ночь толком не спала, а теперь стояла здесь и пыталась найти смысл в собственном кошмаре.

Размяв пальцы, я придвинула стул к станку и подняла лампу. Сегодня предстояло заняться глазами.

Возле переносицы покрытие было тоньше: под ним уже угадывался край века. Я сверилась с записями, проверила состав на небольшом участке и начала расчистку. Тампон понемногу темнел. Под бурым налётом проступала кожа, затем тонкая линия верхнего века. У наружного уголка живопись была повреждена до грунта; это место пришлось обойти.

Первый глаз открывался медленно. Показалась тень под веком, узкий участок белка, радужка с крохотным светлым мазком. Я отвела руку и переместила лампу. Написанный художником блик оставался на месте. Ангел смотрел вверх, к светлому участку над своей головой.

Со вторым глазом пришлось провозиться дольше. Покрытие лежало плотнее, а через бровь проходила глубокая трещина. Я работала по обе стороны от неё, оставляя края нетронутыми, меняла тампоны и возвращалась к блокноту. Когда наконец сняла лупу, шея затекла так, что было больно повернуть голову.

Я поднялась и отошла на несколько шагов.

Теперь на лице различались оба глаза. Вместе с ними изменилось и выражение губ, которые ещё вчера казались отдельным, случайно уцелевшим фрагментом. Я невольно улыбнулась и потянулась к блокноту.

Стук заставил меня обернуться. Дверь приоткрылась, на пороге показался Касиан, а за его плечом — Дору.

— Ноэми! — радостно воскликнул он, проходя вперёд.

Я улыбнулась в ответ. Дору протянул руку, но, заметив мои поднятые ладони в перчатках, понимающе кивнул и повернулся к станку. Касиан остался возле двери с Библией в руках.

— Какая работа! — Дору наклонился, разглядывая лицо ангела. — Руки у тебя прямо как у отца.

— Спасибо.

В груди болезненно сжалось. Я удержала улыбку и перевела взгляд на Касиана.

— Глаза… — негромко произнёс он, подходя ближе.

Его пальцы крепче обхватили переплёт. Несколько секунд он молча смотрел на образ, а потом на лице появилась та же открытая, почти мальчишеская улыбка, которую я видела в саду, когда он держал ягнёнка.

— Они великолепны, Ноэми.

От его радости стало неловко и почему-то тепло. Я принялась снимать перчатки, оттягивая их за край.

— Посмотрите, сколько в них спокойствия, — продолжил Касиан. — Я всегда представлял Михаила суровее.

Он поднял голову, рассматривая лик целиком, и улыбнулся ещё шире.

— Хорошо, что они сохранились.

— От них трудно оторваться, — призналась я.

Дору ничего не ответил. Он подошёл ближе и чуть наклонил голову. Затем выпрямился, отступил на шаг. Я заметила,

как он перестал перебирать усы и опустил руку.

— Что-то не так? — спросила я.

— Он смотрит вверх.

Мы с Касианом переглянулись.

— А я помню, что смотрел прямо, — добавил Дору.

Перчатки замерли у меня в руках. Ещё недавно он с такой же уверенностью спорил с Анкой о мече и копье.

— Вы уверены?

Дору кивнул, продолжая смотреть на образ.

— Я каждый день мимо него ходил.

— К сожалению, я не видел образ до пожара, — произнёс Касиан, отступая, чтобы не заслонять свет.

Некоторое время мы молчали. Дору потёр ладонью подбородок и ещё раз осмотрел лицо ангела.

— Столько лет прошло… — пробормотал он. — Память, наверное, подводит.

Он отвернулся от станка. Я положила перчатки на стол, так и не решившись спросить ещё что-нибудь.

— Вы нашли, кому принадлежит ягнёнок?

— Конечно! — Дору заметно оживился. — Уже отнесли к стаду. Всё с ним хорошо, Ноэми.

Я кивнула. Пока он рассказывал, взгляд Касиана снова вернулся к расчищенному лику.

— Ну что ж, мне пора, а то до города доберусь только к ночи.

Дору улыбнулся, напоследок взглянул на образ и вышел.

Дверь за ним тихо закрылась.

О случившемся ночью мы с Касианом больше не говорили. Он стоял в паре шагов от меня, всё ещё рассматривая расчищенное лицо. Свет лампы отражался в голубых глазах. С такого расстояния были видны и длинные ресницы, и небольшой завиток у виска. Я задержала на нём взгляд, вспоминая, как ночью его ладони легли на мои плечи.

— Отец…

Прикусив губу, я опустила глаза к столу. Касиан повернулся, слегка приподняв брови.

— Ноэми, — негромко произнёс он и сделал полшага ближе.

Его ладонь легла на край стола рядом с моей рукой. Между нашими пальцами осталось совсем немного места.

— Пожалуйста, когда мы здесь одни, говори со мной на «ты».

Я растерянно посмотрела на него. Сердце забилось быстрее, и пришлось сглотнуть, прежде чем удалось ответить.

— Но, отец Касиан… Ваш сан…

Взгляд невольно задержался на белой полоске колоратки. Ещё ночью я цеплялась за его голос, повторяла за ним вдохи и выдохи, а теперь не могла произнести даже имя без привычного обращения.

Касиан немного помедлил.

— Я и здесь твой священник, Ноэми, — мягко ответил он. — Просто мне хочется, чтобы ты могла говорить со мной

свободнее.

Я провела большим пальцем по краю стола. Его рука по-прежнему лежала рядом, и от этого сосредоточиться на словах становилось только труднее.

— Хорошо, от… — Я запнулась, почувствовав, как теплеют щёки. — Касиан.

Он улыбнулся. Собственное произношение его имени показалось мне непривычно тихим. Я подняла глаза и тоже невольно улыбнулась.

— Так что ты хотела спросить?

Его пальцы лежали совсем рядом с моими. Я опустила взгляд на наши руки.

— Я хотела поблагодарить тебя…

Касиан улыбнулся. Повернув ладонь, невольно коснулся моего пальца и замер. Я могла отодвинуть руку, но осталась стоять, глядя на это едва заметное прикосновение.

Он положил Библию на стол. Когда я подняла глаза, Касиан уже смотрел на меня.

— Ноэми…

Он шагнул ближе. Я чувствовала знакомый запах ладана и воска, видела белую полоску у горла. Хотелось дотронуться до него, но рука всё ещё лежала на столе.

Касиан наклонился. Его губы остановились так близко, что я почувствовала его дыхание.

Я резко подалась вперёд и поцеловала его.

На мгновение он остался неподвижным. Затем ладонь лег-

ла мне на затылок, пальцы вошли в волосы, и Касиан притянул меня ближе. Я закрыла глаза, ухватившись за его рубашку. Всё, что собиралась сказать, вылетело из головы.

Он ненадолго отстранился. Я открыла глаза, пытаясь понять, что случилось, но Касиан только убрал волосы с моего лица. Я коснулась его щеки.

— Касиан…

Теперь произнести его имя оказалось легко.

Я обняла его за шею и потянула к себе. Он ответил на поцелуй, крепко обхватив меня за талию. Пришлось отступить, пока спина не упёрлась в стол.

За мной зашуршали бумаги. Несколько листов упали на пол. Касиан подхватил меня, усаживая на освободившийся край, и я снова прижалась к нему.

Под ладонью смялся лист с моими записями. Я обвила ногами талию Касиана. Он провёл рукой по моей спине, удерживая возле себя.

Я запрокинула голову, когда его губы коснулись шеи. Пальцы скользнули по коротким волосам. Мне хотелось, чтобы он продолжал. Чтобы ещё немного можно было сидеть здесь, обнимать его и чувствовать тёплое дыхание под ухом.

— Ноэми…

Я открыла глаза.

Это был не голос Касиана.

Губы на моей шее двигались медленнее. Я попыталась отстраниться, заглянуть ему в лицо, но он не поднял головы.

— Касиан?

За его плечом темнело. Стеллажи ещё можно было различить, но свет лампы уже не доходил до книг. Я моргнула. Комната исчезала, и теперь за его спиной была только чернота.

Я сильнее обхватила его плечи.

— Посмотри на меня.

Тепло пропало.

Рубашка под моими пальцами осыпалась, и я торопливо сжала руки, пытаясь удержать его. На колени посыпалась серая пыль. Ещё секунду назад он стоял между моих ног, обнимал меня — теперь ладони сомкнулись в пустоте.

Я смотрела на испачканные пальцы.

Пепел забился под ногти. Прилип к влажной коже на шее, там, где только что были его губы.

— Нет… Нет, нет…

Я смотрела на ладони, растирая между пальцами серую пыль. Она оседала на одежде, забивалась в складки рукавов.

Стол просел. Я вцепилась в край, но дерево раскрошилось под пальцами. Ноги потеряли опору, и я упала в темноту.

Из груди выбило воздух.

Когда я открыла глаза, ладони уже упирались в холодную влажную траву. Я стояла на коленях, согнувшись почти до земли, и пыталась вдохнуть. Горло сдавило; воздух проходил с трудом. Пришлось опустить голову и несколько секунд смотреть на травинки между пальцами, дожидаясь, по-

ка смогу выпрямиться.

Впереди белели камни. Дальше, внизу, шумела вода.

Тот самый берег.

Я медленно подняла голову. Скалы едва различались в темноте. Туман закрыл тропу за спиной, одежда намокала там, где колени касались земли. Я провела ладонью по шее. На пальцах остался пепел.

Совсем близко шевельнулась мгла.

Я отшатнулась, неловко переставляя руки по мокрой траве. Передо мной кто-то стоял. Различались плечи, очертания головы, но лица я не видела.

Потом он наклонился. Из темноты проступили глаза.

Я смотрела в них, понемногу узнавая разрез век, тень под верхним краем радужки. Ещё утром я сидела перед ними с лупой, осторожно снимая потемневшее покрытие.

Ниже показались губы. Те самые, которые я разглядывала на образе ночью.

Остальные черты терялись во мраке.

Я попыталась отодвинуться ещё немного, но колено соскользнуло с влажной земли. Пришлось снова опереться на ладони. Он следил за мной, не меняя положения.

Губы чуть дрогнули.

— Сотовый мёд каплет из уст твоих, невеста; мёд и молоко под языком твоим…[14]

---

[14] Песнь песней Соломона 4:11. Синодальный перевод. Цитата приводится с сокращением.

От знакомого голоса я перестала двигаться. Он произнёс это негромко, задержавшись на слове «невеста», и я невольно сжала губы.

— Кто ты? Что тебе нужно?

От крика обожгло горло. Я снова согнулась, прижав ладонь к шее, и с трудом сглотнула.

Он тихо рассмеялся. Я подняла голову, следя за его губами.

— Ты так отчаянно молилась в прошлый раз, Ноэми.

Он начал приближаться. С каждым шагом силуэт становился менее различимым; тьма закрывала плечи, подбородок. Я попятилась на коленях, не решаясь отвести взгляд от глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.